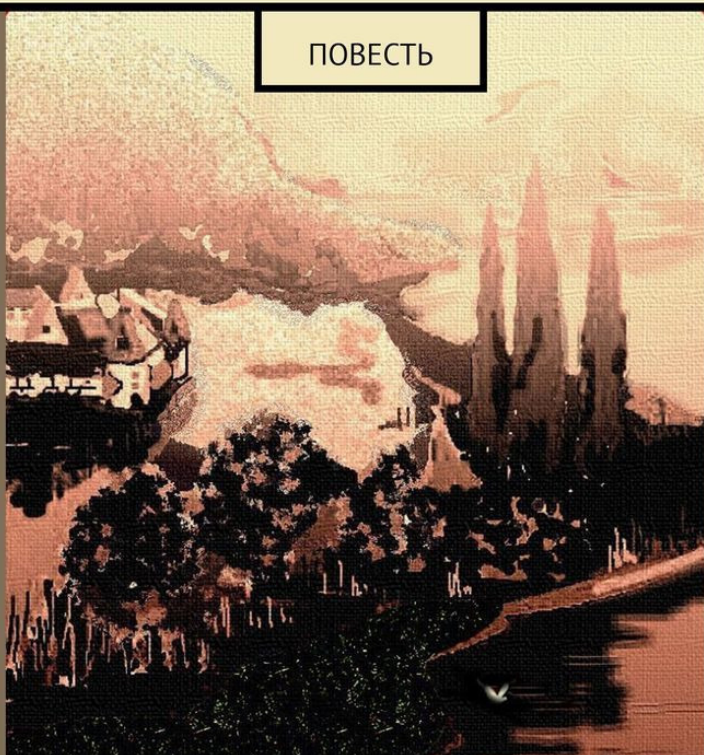
18+

КИРА МАРТИН

Живущая вопреки

ПОВЕСТЬ



Кира Мартин

Живущая вопреки. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64462623
ISBN 9785005344267

Аннотация

Повесть «Живущая вопреки» проведет вас по долгому жизненному пути главной героини Татьяны. Этот экскурс поведает вам о событиях, которые современникам будут казаться далёким прошлым.Желаю дорогим читателям приятного прочтения!

Содержание

Пролог 5
Часть первая 9
Часть вторая 90
Конец ознакомительного фрагмента. 94

Живущая вопреки
Повесть

Кира Мартин

Повествование о жизненном пути и женской доле рожденной в пятидесятых годах, предлагает читателю, пожелавшему провести свой досуг с книгой, осуществить экскурсию во времени, возможно, узнавая знакомые отличительные события или открыть для себя, не из учебника Истории, какое оно было – предыдущее Поколение… Времена ушли в лета, а Она здравствует вопреки… и поныне.

Посвящается родным и близким, друзьям и коллегам.

© Кира Мартин, 2021

ISBN 978-5-0053-4426-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Маленькая девочка, волею судьбы появившись на Свет, удочерена семьей офицера. Через много лет, добросовестно хранимая крымским городком, тайна откроется, и станет всё и всем объяснимо и понятно: почему столько невзгод обрушила Судьба на эту девочку, девушку, женщину.

В становлении характера Танечки большую роль сыграли люди, ставшие ей близкими и те, с кем сведёт её Жизнь в дальнейшем; атмосфера их взгляды на Мир и поведение в семье, и происходившие события. Благодаря своей любознательности, повзрослев, девочка узнает исторические и судьбоносные истории своих кровных и приёмных именитых родственников. Она рассказывает об этом читателям без утайки.

Когда исполнилось пятнадцатилетие, отец напутственно произнес: «Ты теперь взрослая, дочь. Тебе решать самой, как жить, где учиться, кем работать. Мы тебе не советчики, образования у нас нет».

И Таня жила, вопреки всем невзгодам: решала всё сама, училась; расширяла свой кругозор; совершенствуя себя. Работала, набираясь опыта и навыков; стремилась вперед, с открытым сердцем, не пряча глаз. Жила, с уважением и любовью к людям; мечтала и влюблялась, наделённая чувственной и романтичной натурой. Ведь гены в ней смешались

очень разные, и они умело управляли Таней. Она умела радоваться всему вокруг себя, так непосредственно, и не скрывая этого. Любила петь, танцевать, рисовать. Не могла долго оставаться на одном месте, ей не хватало новизны, её тянуло к путешествиям, переменам во всём и в себе.

Жизнь уготовила Татьяне жесткие испытания: болезни, душевные раны, трагедии и потери. Видно, уверена была её хозяйка – Судьба, что она сильная, эта хрупкая на вид, женская натура, родившаяся под знаком Льва.

Читая повесть, каждый находит в Татьяне, что- то знакомое, близкое. Она для многих понятна, ведь узнают в ней себя, потому что они одно поколение. А потомки, познакомившись с героиней повести, изучают события прошлых лет, особенности той жизни, из прошлого теперь века, начиная из далёких пятидесятых.

Повесть не только познавательна, как книга, а поучительна на опыте реальной литературной Героини повести. Она учит, жить честно; быть справедливыми; стремиться к совершенству, развиваться, как личность. Подтверждает, что надо быть полезными обществу, соблюдать жизненные каноны; уметь, совершая ошибки и проступки, признавать их и исправлять. Главное, находить силы не сдаваться, а жить вопреки! Уметь, прощать, быть великодушными, неравнодушными и целеустремленными людьми

Книга насыщена веселыми и грустными историями из школьной и студенческой жизни героини и её друзей; ин-

тересными нюансами производственной, творческой и спортивной деятельности в разные периоды её жизни.

Многочисленные пейзажные описания климатических особенностей нашей необъятной Родины, где доводилось жить и работать Татьяне, расширяют кругозор.

На страницах книги происходят счастливые, грустные, печальные и даже трагичные ситуации, волнующие воображение.

Рассказать сейчас о происходящем, значит, лишить читателя занимательного драйва, ожидания, чем же всё закончится для героини или тех, кто ей дорог и близок. Раскрыть тайны влюблённости и показать финал отношений заранее – это свести на нет самые сладостные мгновения счастья или лишить читателя сопереживания за Таню. Позволю себе, оставить за читателями право, узнавать обо всём по мере поступления событий.

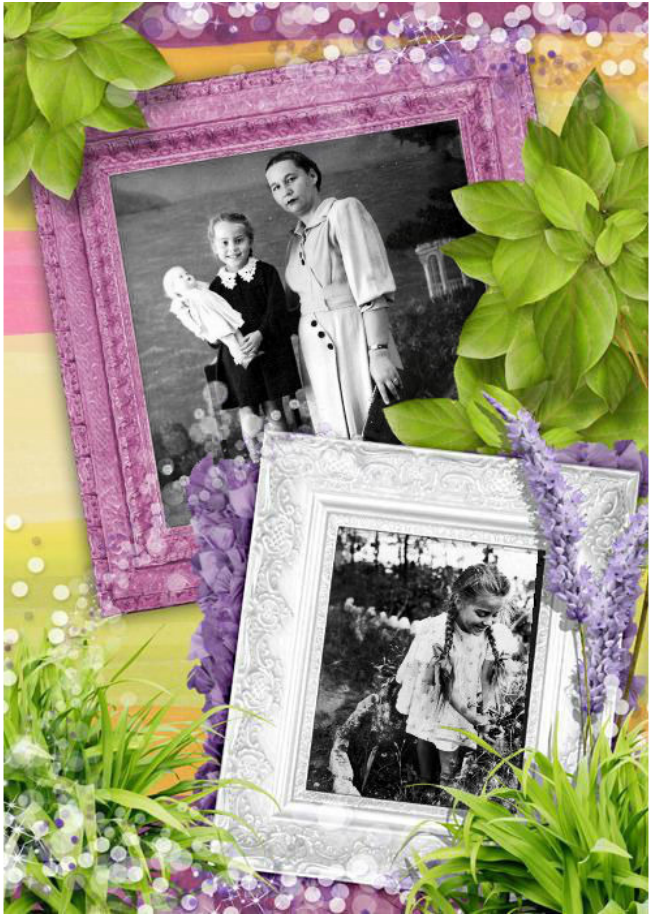
Все события, прожитые героиней повести, описаны правдиво; и названия не вымышленные; и имена реальных людей, с которыми долгая жизнь свела Татьяну.

Да, «всё течёт, всё изменяется», а Историю не перепишешь, и Жизнь заново не проживешь.

Многих, о ком поведала героиня повести уже нет: ушли на покой, кто – то еще живёт в ретро – возрасте. Прочитывая повесть «Живущая вопреки», они узнавали себя, подтверждая правдивость событий и образов. Радостно благодарили «нашу Татьяну» за то, что дала им возможность, остаться

в Памяти читающих потомков.

Часть первая



В последний июльский день девочка появилась на свет, не желанная, а просто потому, что девушка послевоенных лет, ведущая лёгкий образ жизни, щадя себя, носила бремя после сладострастий и пускала его на свет, чтобы потом бездумно лишать жизни тех, кого вынашивала. Малышке повезло! Видимо, это была ирония судьбы – возможность жить вопреки…. Её жизнь сохранило предупреждение от блюстителей порядка: «Если девочка исчезнет, не миновать тебе колонии!» Несколько месяцев полуголодная, не обогретая материнской лаской и заботой, порой вместо молока для долгого сна, получавшая несколько капель водки, она выживала.

Сердобольная бабушка, отнесла малышку в дом своей сестры, осмотрительно решила, что так будет надежнее. Семь лет супружеская чета: дочь сестры и её муж, мечтали о детях, но молодая женщина во время эвакуации в Сибири застудилась и лишилась возможности, иметь своих детей. На спинке венского стула мирно висел офицерский китель с погонами капитана: мужчина отдыхал после ночного дежурства. Проснувшись от волнительного шума, увидел маленькую девочку, которую положили на белёный войлок, застилавший пол в большой светлой комнате. Малышка неожиданно доползла до ног, ошеломлённого, мужчины, и всем показалось, пролепетала: «Па – а – па». Этот момент стал решающим. «Это теперь – моя дочь», – решительно заявил он, прижав крошку к груди. От умиления в его глазах

заблестела скупая мужская слеза. Боевой офицером, не единожды раненный, прошедший все тяготы войны на разных фронтах смущенно смахнул невольную слабость.

Вернувшись с работы, его жена неожиданно для себя стала «мамой». Молодые жили в большой любви, и решение приняли обоюдное – удочерить девочку и дать свою фамилию. Об этом событии девочке расскажет через двадцать семь лет старший названный брат, присутствующий тогда при этом знаменательном событии, а сейчас счастливое детство только начинается, каждый нюанс которого до мелочей, Она пронесет через всю свою долгую, наполненную обилием событий, жизнь. И неважно, хорошими или печальными, счастливыми или грустными. Главное, что память сохранила все до тонкостей, вопреки всем проискам бытия….

Небольшой крымский городок расположился в долине, защищённый от ветров с юга и севера пологими, достаточно высокими волнообразными горами, которые, в зависимости от времени года, приобретали соответствующий окрас. Кратковременными зимними днями становились сине-бело-голубыми. Весной – под ярким молодеющим солнцем серо-темно-зелеными. Летом – пестрыми от обилия трав и полевых цветов: то ярко, то спокойно – зелеными, с синеющей дымкой и парящие от зноя; по осени, загорающимися теплыми – желто-оранжево-багряными всполохами посреди вечнозеленого спокойствия. Длинный саманный дом татарской постройки на калининской улице, всегда свежевыбеленный,

прятался за забором, ограждающим большой сад с фруктовыми деревьями, с кустами смородины, жасмина, чайных роз и цветочными клумбами.

Детство Танечки продолжилось здесь, в большой семье: с родителями, бабушкой и дедушкой, дядями и их женами, с двумя старшими двоюродными братьями и младшей сестрой, которые умудрялись дружно разместиться в этом гостеприимном доме. Она росла послушной, смышлёной и милой. Так вспоминала мама и все те, кто стал ее семьей. Часто память дарит ей счастливые минуты: сценки из детства, хранимые до сегодняшних дней со всеми подробностями, с той самой минутки, как её детское воображение смогло осознанно воспринимать и запоминать всё, происходящее с ней и вокруг неё.

***

Просторный сад был поделен на три участка, огороженных выкрашенным штакетником: непосредственно двором перед домом с цветочной клумбой в середине, большим столом с деревянными скамейками, кроватью в беседке, увитой виноградной лозой и кустами душистых роз. Хозяйственной зоной – с сараем для дров и угля, садового инвентаря. В нем позднее добавится верстак, на котором папа будет мастерить и мебель, и оконные рамы, ведь выйдя на «гражданку» он получит специальность плотника – краснодеревщика.

А все остальное – это фруктовый сад, с дорожками, посыпанными ракушечником, обложенными по бокам белеными зубчатыми кирпичиками, с массой различных цветов вдоль них и увитыми, растянувшимися на проволочках веточками, цветущими голубыми и лиловыми граммофончиками; с рядами разных сортов георгин, привозимых из разных мест и даже ботанических садов. Разведение георгин было хобби, как сказали бы сейчас, и гордость дедушки Павла.

В дальней части, в тени крон прятались пчелиные домики, а вдоль забора – клетки для кроликов. Когда дедушка Павел отдыхал в знойный полдень под сенью трех, в ряд растущих, абрикос, маленькие белые клубочки прыгали возле него и по нему, вызывая восторг детворы, которая целый день проводила во дворе, играла в прятки, исчезая под огромными лапами бузины; просто расположившись на травяном ковре; болтала, смеясь и покусывая тонкие стебельки травинок или плоские зеленые «калачики» с цветка, слизывая нектар с «львиных зёвиков» или с соломинок кисло-сладкий муравьиный сок, осторожно тревожа спокойствие трудолюбивых насекомых.

С цветка на цветок порхали разноцветные бабочки: благородные Махаоны, яркие Лимонницы, полосатые Капустницы, нежные голубые мотыльки и ажурно-резные оранжевые Адмиралы. Жужжали непоседы пчелы, не раз жалившие шалунов, мушки, страшилки-шмели. На разные голоса пели, трещали, свистели, стрекотали птички, кузнечики. Ползало

многообразие жучков и паучков, не ускользавшее от любознательных взглядов детворы.

Огород занимал незначительную часть, как говорится, сажали всего понемногу, для себя, а вот фрукты и цветы бабушка Маруся с большим удовольствием увозила ранним утром в плетеных корзинах в Феодосию на рынок. Тот самый, где в восьмидесятых годах герои кинокомедии «Спортлото-82» будут тоже продавать, но уже апельсины с Кавказа. Рынок – это хобби бабушки и не столько ради наживы. Просто черешни и вишни было изобилие: для варенья, компотов, вареников и закаток с лихвой хватало, и порадовать отдыхающих дарами сада бабушке было в радость. С вырученных денег привозились городские гостинцы, и бабушка на время освобождала себя от домашних забот: ездила «развеяться». Часто брала с собой порастающую Танечку.

С наступлением теплого периода и до поздней осени, между двух вишен подвешивали гамак, в котором все по очереди были не прочь поболтаться в полудреме, прикрыв глаза, вслушиваясь в шелест листвы, которой играл шаловливый ветерок, в звуки природы и голоса близких. Это было в ее жизни и так свежо в памяти и поныне.

Новая бабушка – Маруся, была родной сестрой настоящей бабушки – Лизы. Родилась она в первый год начала XX века. Ее семья часто ждала прибавления, и вскоре она стала старшей сестрой одиннадцати малышам. В страшные голодные годы из жизни ушли сначала родители, отдававшие скудную

еду детям. Маруся осталась с детьми на руках одна. Чтобы выживать, пошла на службу к барыне, немке по происхождению. Ее хозяйка оказалась, на ее счастье, женщиной спокойной и не жадной. Все старания и умение Маруси ценила. Жизнь жестоко распоряжалась ее судьбой. Младшего брата выкрали цыгане из табора, и он погиб от рук голодных кочевников. Некоторые дети умерли от болезней, лечить которые не было ни возможности, ни опыта у лекарей. В конечном счете, из большой семьи осталось трое.

Годы шли, одни эпохальные события сменяли другие. Маруся взрослела, в силу обстоятельств, становилась все более стойкой, самостоятельной и набиралась практического опыта – быть искусной мастерицей на кухне. Вскоре девушка приглянулась молодому комиссару. Времена были лихие. Молодые поженились быстро, без каких – либо торжеств, но хозяйка, любившая свою горничную, подарила ей кружевное батистовое нательное убранство, чтобы хоть как-то украсить это событие. Маруся была счастлива, вскоре поняла, что станет матерью.

Но счастье, как водится, было не долгим: муж был схвачен белыми и расстрелян в Ближних Камышах под Феодосией. Ей сообщили скорбную весть, и Маруся на бричке отправилась на поиски. Тело любимого нашла среди убитых красноармейцев. Напрягаясь из последних сил, уложила в телегу и, ведя под узды коня, с трудом передвигая отекшие ноги и обливаясь безутешными слезами, брела в сторону Старого –

Крыма долгие двадцать пять километров.

На полпути ей встретились вооруженные всадники, сердце замерло от страха и неизвестности. «Что, краснопузого везешь!!!» – хохоча, бандиты гарцевали вокруг испуганной девушки. Маруся, сжимая узды, опустив голову, медленно продолжала движение, не произнося ни слова, ведь ее беременность была уже заметна. Страх холодным кольцом сжимал виски. «Да шут с ней, пусть везет своего…. Гайда, хлопцы, николы… «Топот скакунов удалился. Маруся, не веря тому, что осталась невредима, продолжила свой печальный путь домой.

Пережитое даром не прошло: ночью страшная боль опоясала уставшее тело, и она не сдержала крик. Старенькая женщина, ее хозяйка, не смогла ей ничем помочь, и выкидыш, лишил Марусю и чувств, и последней памяти о любимом, их ребенка.

Окрепнув, она снова жила, стойко перенося невзгоды в одиночестве. Вскоре хозяйка ушла в мир иной, и молодая женщина стала зарабатывать на жизнь, как придется. Городок маленький, она осталась безграмотная, ведь учиться не пришлось в заботах о братьях и сестрах. Да и времена не способствовали: война, революция, голод, опять война, …. Где и когда?

Он, бравый, с деревянным пистолетом, появился в жизни Маруси как-то не так, как это бывает. Долго «ухаживал», потому что не соглашалась ни на встречи, ни на уговоры выйти

замуж. На подоконниках в ее домике было много горшечных цветов. Маруся очень любила «украшать» свою жизнь цветами. Новоявленный жених после очередного отказа расстрелял ее любимые горшочки. Да, от такой горячности не устоять! Не устояла и она. Они поженились.

Павел, так звали теперь ее мужа, был родом из Балаклавы. Родился в год начала нового века, и потому был всего на год старше Маруси. Как и все мужчины с малого возраста ощутил на себе тяготы военного времени, революционный переполох, побывал в плену у махновцев, лишился левого глаза от белогвардейской сабли, на счастье лишь скользнувшей по лицу; потом страшные годы репрессий и героические мужественные Отечественной войны, но уже в партизанском отряде. Ели чаще всего лук и жареных змей, потому в дальнейшей жизни, не позволял Марусе добавлять лук в пищу.

Жили долго, дружно, с заботой растили троих детей, двух сыновей и дочь, а еще племянника. Так сложилось. Правда, Павел любил изрядно выпить после вкусной Марусиной стряпни, и тогда истрепанные нервы сдавали. В доме пропадал покой, до тех пор, пока не угомонится хозяин, окончательно уставший от своих «увеселений», от которых Марии часто приходилось, взяв детей в охапку, убегать со двора и прятаться, где придется, в любую погоду, и даже ночью.

Издалека наблюдали, как отец бегал по горе, размахивая пистолетом, или куражился во дворе, то поджигая стопку деревянных ящиков, он возил тару с пункта приемка, или «го-

нял» по садовым дорожкам копченый окорок. Потом, когда возвращались в дом, Маруся очищала окорок от ракушки, мыла и вновь водружала в сарай, где он вялился. Так и жили. Несмотря ни на что, много хорошего было в их семье: дети всегда ухожены, накормлены, одеты.

Дом – гостеприимный. Отмечали праздники, события. Люди с радостью бывали в гостях, приезжали и писали письма друзья из Узбекистана, Гурьева, Москвы и мало ли еще, откуда, а дом платил за заботу своим уютом и защитой. Маруся оставалась до последних своих дней замечательной хозяйкой: до хрустящей белизны, накрахмаленные постельные принадлежности, полотенчики, занавесочки на окнах с изобилием цветов; кружевными накидками на комоде и скатертью на гостевом столе в центре большой комнаты, у столба, подпирающего свод татарского старинного строения.

Однажды, перед самой войной, Павел вернулся с работы не один: привел с собой чумазого мальчонку. Отмыли, накормили, обогрели. Мальчик оказался славным, смышлёным и ласковым. Шли дни. Семья стала подумывать о принятии нового жильца в полноправные члены семьи. Готовили уже документы об усыновлении, свои дети полюбили мальчика и с радостью восприняли решение родителей….

Но, в одночасье все изменилось. Соседи сказали, что возле их дома часто стала появляться незнакомая женщина, да и ребенок стал плаксивым и замкнутым. Все забеспокои-

лись, и вскоре выяснилось, что это настоящая мать, когда – то бросившая сына, из-за невозможности прокормить, в надежде, что кто-то сжалится и подберет, теперь нашла его и старалась уговорами напомнить о себе. Ребенка, конечно, вернули – она родная кровь….

Вскоре началась Отечественная война. Семья готовилась к эвакуации, и Павел пытался разыскать мать с мальчиком, чтобы отправить их вместе со своими, но тщетно: люди говорили, что они уехали из этих мест.

Семья распрощалась: на долгие сборы и проводы не было ни душевных сил, ни времени. Павел остался в Старом – Крыму, партизанить в отряде Федько. Их лагерь затаился в лесу за второй горой, поросшей сине – дымчатым, из-за удаленности, лесным массивом. Старший сын призывного возраста ушел на фронт.

Марию с дочерью и младшим сыном погрузили на корабль в феодосийском порту и их лишения начались, как только они вышли в море, направляясь в Новороссийск. Караван разбомбили. Они видели, как уходили под воду горящие корабли и катера; слышали нарастающий вой пикирующих вражеских бомбардировщиков; вздрагивали от вырастающих вокруг водяных столбов от взрывов, и сжимались от ужаса и ожидания их сердца. Судьба пощадила.

Дальше были медленно двигающиеся поезда, заполненные беженцами до отказа; резкие и длительные остановки и новости о том, что пути повреждены, ведь бомбили то по-

зади, то впереди, а они вопреки всему все – таки живы. Долгие, утомительные и ужасающие пребывания в здании вокзала, когда строения станции снова вздрагивали от взрывов и, чтобы как – то защитить себя от страха, грохота, пыли и падающих сверху обломков, дети закрывали голову руками, сжимаясь всем телом, а мать обнимала их, укрывая собой. Судьба снова оберегала….

В сибирских сугробах, под вой пурги, крепко прижавшись, друг к другу, они теряли надежду на спасение и, когда уже стало все равно и даже как-то теплее, вдруг сквозь снежную пелену увидели возникшие смазанные силуэты людей. Их приютила и отогрела немецкая семья, депортированная с Поволжья. Судьба снова хранила….

Шло время. Вестей о жене с детьми не было. Марию с детьми отправили на поселение в Казахстан, и там они оставались до освобождения Крыма. Павел безуспешно разыскивал свою семью: он все еще надеялся на чудо и верил, что они живы, теперь, как никогда, понимая, как же они дороги и необходимы. Судьба снова оказалась благосклонна…. Весной сорок пятого дом на Калининской улице встречал своих домочадцев.

***

За годы эвакуации Зинаида сильно изменилась: вернулась, не смотря на пережитое и лишения, статной девятна-

дцатилетней красавицей, с ясными серыми глазами, очаровательным лицом, строгость которому придавал правильный «греческий» носик, и величавой короной из сплетенных кос, венчающей её темно-русую голову. Строгая красота притягивала взгляды, но она оставалась скромной и наивной девушкой, которая смущаясь от внимания, квартирующих в их доме, офицеров, уходила на работу утром через окно на задней стене их дома и, осторожно пробравшись вдоль стены и соседским забором, спешила вверх по калининской улице к центру городка. Она служила на почте, в отделе, где получали письма и корреспонденцию для военнослужащих с кировского аэродрома.

Двадцативосьмилетний офицер именно здесь впервые увидел эту величавую красавицу и, недолго раздумывая, решительно произнес: « Эта девушка станет скоро моей женой!» Его сослуживец лишь мельком взглянул на своего друга, убедиться, что тот говорит эти роковые слова серьезно. Зная твердый характер молодого капитана, впрочем, нисколько и не усомнился в том, что так и будет.

Тёмно-русый молодой мужчина, в офицерском кителе должен был привлечь внимание девушки, но скорее в другой обстановке, а сейчас она склонила голову, старательно выполняя свою работу, и не заметила внимательный взгляд его глубоких серо-зеленых глаз. Вскоре их знакомство все-таки состоялось. В силу того, что Константин был человеком военным, он не принадлежал себе, но свободное время по-

являлось, и оно посвящалось любимой.

Двенадцать километров пешком навстречу и столько же в часть после свидания, но такие трудности в радость, чтобы увидеть, ставшие дорогими, глаза. Намерения были твердыми и окончательными, и предложение руки сердца не заставило долго ждать. Девушка смущенно сообщила родителям, что Константин просит разрешения поговорить с ними о свадьбе. Молодые не скрывали своих чувств, и регистрацию брака отметили седьмого ноября скромно: в кругу близких за круглым столом в саду.

Послевоенные годы были не простыми. Праздничное угощение скромным, да и невеста – без подвенечного платья и фаты. Однако торжественность события, запечатленного на любительское фото, заметно во всем. Зинаида в элегантном темно-синем платье, с шалевым воротничком, приколотым изящным позолоченным якорьком с фиолетовым камешком. Эта брошь знакома Танечке до боли и нежности с раннего детства. Она с трепетом получала ее из маминых рук и подолгу любовалась игрой света на стеклянных гранях.

Константин в кителе, как и подобает военному, с гладко – зачесанными назад густыми волосами. Напротив, молодых – старший брат, красивый темноволосый, а рядом хрупкая с двумя заплетенными косами, его жена. В центре родители – строгие, гордые своими детьми, и возле них юный младший сын, стройный милый юноша, всеми нежно любимый.

Осенний крымский сад окрасился, как нельзя, кстати, в золотисто – оранжевый цвет листвы; и цветет огромный куст морозостойкой розы, с крупными нежно – розово-сиреневыми бутонами на заднем плане фото – все это торжество осени, как гимн любви и счастью. Черно—белое старинное фото, конечно, не запечатлело красок, но воображению не сложно восстановить это несовершенство.

Большое семейство пополнилось, и жизнь полетела дальше, с каждым взмахом своих крыльев, наполняя их семейную биографию новыми событиями, приближая к знаменательному дню. В тот день судьба щедро вознаградит Танечку и преподнесет ей встречу с этими людьми, которые теперь станут неотъемлемой частью ее жизни. Это и будет шанс жить дальше вопреки всему… и несмотря ни на что!!!…

***

Красивый фасад дома с двумя большими синими окнами, смотрящими на улицу, сиял голубой белизной, выбеленный заботливыми руками хозяйки, и терялся в глубине двора и среди многочисленных крон фруктовых деревьев огромного сада. Знойными летними днями в доме сохранялась прохлада, благодаря свойству саманного камня. Створки окон были настежь открыты, и ветерок играл занавесками и листочками горшечных цветов, украшающих подоконники. Свежий воздух заполнял дом, согревая солнечным теп-

лом. Шелест листвы, щебетание птиц, голоса детей, резвящихся в саду, разговор взрослых обитателей дома – все это можно было услышать, если войти в дом, наполненный чистотой и умиротворенной тишиной.

Все домочадцы дружно расселились по своим комнатам и мирно сосуществовали в этом доме. На хозяйстве обычно с утра оставалась бабушка Маруся, остальные взрослые возвращались только вечером, после трудового дня. Дети: два мальчика и две девочки, весь день проводили в саду. Правда после знойного полдня их укладывали спать на пару часов; да и бабушке необходим был отдых, ведь вставала она с первой зарей.

Память до сих пор наполняет душу трепетом и ностальгической тоской, когда улавливает аромат ванили, корицы и фруктово-ягодных десертов. Счастливое детство было просто насыщено этим удовольствием. Огромное блюдо с Наполеоном – обязательное угощение на Танин День рождения. Роскошный букет, из свежесрезанных ранним утром, с капельками росы садовых цветов на столе, пробуждал от сна своим ароматом и напоминанием, что еще на год она стала взрослее и счастливее в этом добром и любящем ее, семейном гнездышке.

Воспоминания…. Они всегда с ней… Крымские летние ночи… Чаще всего, как теперь кажется, они были лунными. Через открытие настежь створки окон пробивались лунные дорожки и расплескивались на полу, незаметно перемеща-

ясь, приближая спящих к рассвету. Если не спалось, тихо пробравшись к окну, можно было разглядеть все уголки сада: На дорожках отражались тени пахучих белых лилий, лилово – фиолетовых ночных фиалок, которые насыщали своим нежным и стойким ароматом, разносимым легким свежим ветерком, и двор, и дом. С ближней речки доносилось кваканье лягушек, обещающих долгожданные живительные капли дождя; стрекот сверчков.

В безлунные ночи небо черным бархатным покрывалом нависало над городком, поблескивая алмазной россыпью бесконечного множества звезд. Умиротворение и покой царили над миром и в душе Танечки. Казалось, так будет всегда!

«Детство мое, постой, погоди… не спеши». Незамысловатые слова известной песенки, так актуальны в любом десятилетии для всех поколений и во все века. Девочка росла хрупкой, улыбчивой и настолько послушной, и разумной, что «если бы не тяжело переносимые болезни, с галлюцинациями от высокой температуры, мы не знали бы хлопот…», – так часто вспоминала мама, когда к ней приезжали погостить любимые внучата – Танины дети из далекого Северного края. Туда занесет судьба романтичную натуру Танечки, жаждущую странствий и перемен, столь необходимых ее неугомонной сущности, и увлекшей за собой свое семейство.

Она услышала рассказ, приехавшей в отпуск дочери портнихи, которая шила ей на разные случаи жизни наряды,

о необычной жизни за Полярным кругом, и тогда появилась мечта о Городе на вечной мерзлоте, с белыми ночами и долгой полярной ночью. «Весь в огнях, весь в снегу и в морозных узорах – город – сказка Норильск…». Эти слова поэта стали и для нее символом двадцатилетней мечты и двадцатипятилетней жизни – разной, насыщенной событиями: и счастливой и печальной, творческой и трудовой. Но эти события ждут её в неведомом будущем, а сейчас детство продолжается

Да, сумбурно возникают в памяти обрывки из жизни, как кадры киноленты: иногда черно-белые, затертые с помехами и надтреснутыми и шипящими звуками – печальные; иногда яркие, четкие, незабываемые – счастливые. Это будет в ее жизни позже, а сейчас она беззаботно радовалась всем и всему: тем, кто окружал ее заботой, и что происходило вокруг. В дом частенько забегали к маме ее подруги. Они крутили ручку патефона, и комната наполнялась мелодиями, под звуки которых, молодые женщины негромко делились житейскими секретами, а их руки умело вышивали крестиком шедевры, играющие радужными цветами из ниток – мулине или ловко оверложили замысловатые узоры в стиле Ришелье. Для девочки эти посиделки были стимулом в развитии ее творческих наклонностей. С малых лет быстро запоминала песни и пела нежным детским голоском «…называют меня не красивая, так зачем же он ходит за мной…».

Отдыхающий под сенью ветвистой, усеянной ягодой, виш-

ни дедушка, после трапезы и чарочки, не раз звал ее: «Спойка, мне, цыганка…» Почему, цыганка? Наверно от того, что смуглая, кареглазая, распустив длинные густые косички, она, навязав на бедра платков, гибкая, ловкая изящно выплясывала какие—то замысловатые импровизированные танцы. Откуда в ней эта артистичность ей было невдомек долгие годы.

Только однажды в доме стало как-то тревожно, и родные строго – настрого запретили девочке выходить за калитку, якобы цыгана часто стали замечать у ворот дома. Позже все успокоилось и забылось вроде, но постоянно, став старше задавала себе вопрос: «Отчего именно она должна была опасаться этого человека?»

***

Как обычно происходит по неписаному закону жизни, и в этот дом пришла неожиданно – нежданно беда. Трагически погиб младший брат мамы. Вечером на мотоцикле уехал на работу и, проезжая через мост, мотоцикл рухнул вниз, что-то там обрушилось, а в темноте сквозь пелену дождя не разглядеть видимо было предупредительной неказистой дощечки с надписью «Ремонт». Пьяный сторож крепко стал, не слышал крики о помощи. Как констатировали суд эксперты, Борис был жив какое-то время и пытался выбраться из ямы, карабкаясь по скользкой грязи склона: земля на-

билась всюду, силы его покинули, он потерял много крови от травм. Его «друг», сидевший в коляске, выжил и бросил раненного в ночи. Утром ремонтные рабочие нашли погибшего. В памяти Танечки он остался молодым, улыбчивым дядей Борисом.

«Как дела, старушка?» – весело звучал его голос, когда он видел улыбающуюся девочку: ведь к шести годам все детки прощаются с молочными зубками и мило напоминают беззубой улыбкой, что все не вечно и старость тоже неминуемо посетит всех в положенный срок, потому и «старушка».

Когда в дом пришла скорбная весть. Издалека съехались многочисленные родственники. Было горько, много слез, поэтому впечатлительную Танечку на время приютила соседская супружеская пара. Детей у пожилых людей никогда не было, а так как соседский забор был общим, девочку они хорошо знали и по-своему любили. Окружили заботой, вкусно угощали, только бы ее, всегда искрящиеся, карие глазки не наполнялись слезами страха от не понимания, почему это происходит в их доме, и волнения.

Вскоре вдова уехала жить в Феодосию и увезла среднего двоюродного Таниного брата Сашу. Туда, где жили родители и брат со своей семьей, поэтому Надежда решила, что там они теперь роднее. Устроилась работать на кухню в санаторий, а Саша дни напролет летом пропадал на пляже, да нырял с причала за крупными раковинами, которые шумят, если их приложить к уху; слонялся с друзьями по городу.

Как-то в Доме офицеров поскользнулся на мраморном полу, слишком резво бросившись наутек, когда его увидела там тетушка, и получил травму головы. Вроде бы все обошлось, но унаследовавшему веселый и легкий нрав от папы, мальчику трудно давалась учеба в школе, часто болела голова, и он так и остался бесшабашным до седых волос. Значит, не совсем все обошлось!! Покинула дом, и семья старшего маминого брата Владимира: они получили свое жилье в одной из квартир длинного жактовского дома по улице Свободы.

Чтобы не ощущалась пустота, в освободившиеся комнаты поселились квартиранты: в одну два молодых офицера, прибывших на службу, а в две другие – семейная пара, тоже военнослужащего, с двумя детьми. Так и жили: дружно, весело, как одна большая семья. Уверена, нынешнему поколению будет сложно понять, как можно уживаться добрососедски с чужими людьми. Нынче дружные многочисленные семьи редкость, ладят с трудом: все что-то делят, доказывают друг другу.

Дом и двор были снова наполнен голоса: общающихся взрослых и шумным визгом, и смехом беснующейся детворы: три девочки и три мальчика разных возрастов от двух и до одиннадцати лет для годового периода уже большое и радостное «счастье». Старший из братьев, Валерик, когда сам стал папой, счастливым голосом уверял: «Дети—цветы жизни!» Танин папа, добродушно посмеиваясь, отвечал:

«Посмотрим…» Когда же в семье брата прибавилось еще одно сокровище, текст удлинился фразой: «Но лучше, когда они растут в чужом огороде!»

***

Далекий пятьдесят восьмой год стал для Таниной семьи годом странствий… Правда, еще до её появления, сразу после свадьбы, новоявленная офицерская жена вкусила все прелести кочевой жизни. Танечка помнит, как рассматривала фото, на котором мама стоит на балконе, облокотившись на перила с изящными узорами из кованых прутьев, на фоне панорамного вида бухты, окруженной со всех сторон скалами, и с выступающей в море пристанью.

«Где так красиво?» – Изумленно, спрашивала маму. И слушала рассказ о том, как они с папой получили квартиру в нынешнем Партените. Как для мамы жизнь там была не в радость: уж больно боялась она этих скал. Страх остался после землетрясения двадцать седьмого года, внушительно потрясшего Крым, и которое испытал на себе даже Остап Бендер, промышлявший поиском двенадцати стульев.

Позже Константина перевели в Симферополь, и страх поутих, судя по тому, как кто-то из друзей запечатлел, несомненно, самую красивую маму с гитарой в руках, артистично сидящей на стуле, в изящных лаковых сапожках, ажурной блузке, темной строго кроя юбке и с неизменной короной

из кос.

***

И вот, снова назначение, но уже на самый край Земли, в Магадан. В семьях военнослужащих сборы долгими не бывают, это усвоит и Танечка, и вот они уже прибыли на московский вокзал, и длительное ожидание посадки наполнилось новыми впечатлениями. Суета, гомон, своеобразный голос диспетчера, искаженный несовершенством динамика, монотонно и громогласно преследовал повсюду; ожидающие посадки непроизвольно привыкали к соседству и начинались непринужденные общения, помогающие незаметно коротать время. Девочку приметили и здесь, она попробовала малосольные огурчики, которыми ее попотчевала добрая тетушка. С тех пор, этот деликатес» стал любимым, видимо пришелся по вкусу и ко времени.

А еще, всех растревожил непонятный детскому разуму и невероятный момент. Девушка купила в газетном киоске прессу, пристроилась на скамье, читая, и вдруг начала радостно смеяться Её смех становился неудержимым. Сквозь смех все расслышали новость, которая так обрадовала и взволновала: она выиграла по лотерее пианино. Надо помнить, что эта роскошь была для того первого послевоенного десятилетия чем – то несоизмеримым. Радость потрясла молодой разум девушки, и пришлось вызывать врачей. Карета скорой помощи увезла её и долго не умолками сочувствующие разговоры о шутке судьбы, ведь с диагнозом,

что она лишилась рассудка, присутствующим никак не хотелось мириться.

Через несколько часов утомительно-уморительного ожидания, объявили посадку на поезд Москва – Хабаровск. И, десятидневное незабываемое, путешествие, первое столь длительное для Танечки, началось. Проводница попросила провожающих покинуть вагон. Наконец-то все рассовали свою поклажу, суета стала понемногу затихать. Раздался предупредительный гудок паровоза, состав нервно дернулся, раз, другой…, и вот уже медленно стал проплывать назад перрон и машущие на прощание провожающие… Поезд набрал скорость, и вскоре остались позади последние привокзальные строения, а впереди… полстраны.

В плацкартном вагоне, как в коммунальной квартире, пассажирам приходится приспосабливаться к разнообразию характеров и нравов. Танечка оказалась единственным ребенком в вагоне и потому, все внимание было прикована к ней. Её, спокойствие, застенчивость, наивно – милая улыбка на припорошенном паровозной гарью личике никого не оставляли равнодушным. Её угощали, подбадривали словесно, ведь дорога была, несомненно, утомительна для девочки, которой еще не исполнилось и шести лет. Впечатлений было много. Самое странное, что особенно потрясло взор, где-то в глубинке, конечно же, далеко от столицы, медленно проплывшее видение разрушенной станции, с обгоревшими руинами и даже обломками сбитого бомбардиров-

щика, как напоминание о войне.

Когда проезжали по сибирским просторам, дорога петляла среди тайги так, что прислонившись к стеклу, можно было увидеть хвост состава или наоборот, дымящего, как голова дракона, трудягу – локомотив, который обволакивал клубами черного дыма вагоны, и он просачивался через окна. Сажа чернила белые занавесочки с надписью «Байкал» и насыпалась везде в купе, забивалась в ноздри и пачкала руки.

Кушали общим столом: каждый плацкарт объединялся, доставаемыми запасами из плетеных корзинок, фанерных ящичков, картонных дорожных чемоданчиков.

Серпантин Забайкальской железной дороги, извивающей змейкой, часто заползал в многочисленные тоннели, тогда вагоны погружались в темноту и облако дыма Частые утомительные остановки были вынужденными: поезд пропускал встречный состав.

Встреча с озером Байкал прибавила настроения всем. «Стоять будем долго», – сообщила проводница. Появилась, так необходимая, возможность выйти, прежде всего, на свежий воздух. Гуляли вдоль берега, любовались прозрачной до невозможности голубизной озера. Умывались чистейшей на взгляд прохладной водой. Мужчины с восторженными криками прыгали в воду и весело резвились, как дети. Воду набирали, чтобы кипятит для чая, мыли клубнику и, конечно, ею угощали Танечку.

Чай в поезде, это вообще история отдельная. Для папы

чаепитие превращалось в ритуал всегда, даже дома: с обдаванием чайничка кипятком, высушиванием, засыпкой душистого черного чая, настаиванием; раскусыванием специальными кусачками больших кусков рафинада в изящную стеклянную сахарницу, с инкрустированием; с ручкой, которая поднималась и опускалась на крошечных шарнирах и металлической круглой крышечкой, украшенной узорами.

В поездках, только расположившись, первое, что обожал папа – это спросить у проводницы, собирающей билеты: «А нельзя ли испить чайку?» Вскоре появлялась хозяйка вагона, ловко лавируя по длинному коридору, с подносом в руках, на котором плотно устраивались стаканы в металлических подстаканниках, с ложечками, брякающими о стакан от раскачивания вагона, свежезаваренным чаем и небольшими прямоугольниками, обернутыми в бумажную упаковку с надписью «Рафинад». «Самый вкусный чай в поезде» станет и для Танечки необходимым напитком в многочисленных поездках её дальнейшей жизни.

Наконец, прибыли в Хабаровск. Остановились у родственников дедушки Павла, которые жили в пятиэтажном из красного кирпича доме, на самом берегу Амура. Двор между двумя домами был с асфальтированными дорожками, зелеными от пушистого травяного ковра лужайками, защищен от крутого склона высокой кованой оградой, не закрывающей величавую красоту, воспетой в песне, реки. «На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят. На вы-

соких берегах Амура часовые Родины стоят…», – с торжествующей гордостью в праздничные дни разносились слова песни из репродукторов, укрепленных на уличных фонарных столбах городов и районных центров.

Пока Константин пребывал в военкомате, Танечка с мамой гуляли по широким красивым улицам города; ели эскимо, от которого холодило зубы, если откусывать маленькими кусочками, иначе на солнце лакомство быстро начинало подтаивать. В центре площади расположился цирк – Шапито. Внутри шатра было светло от того, что оранжевое покрытие пропускало солнечный свет. Скамьи располагались по кругу, а в середине на арене происходило чудесное действо: гибкая, извивающаяся, как змея, в блестящем трико акробатка то раскачивалась под куполом, то жонглировала ногами расписные кегли, ловко устроившись на тумбе. Выбегали жизнерадостные смешливые клоуны; крутились в такт дрессированные собачки и демонстрировали лаем свои познания в математике, и еще много интересного приводило в восторг публику.

К вечеру все встретились за ужином, и папа сообщил, что в Магадан они не поедут и вообще, уже никуда, а вернуться днями домой, в Крым. Оказалось, узнав, что он привез свою семью, по-человечески просто подсказали, что он рискует здоровьем малышки, так как природные условия в тех краях достаточно непросты и могут пагубно сказаться на ее неокрепшем растущем организме.

Перед отъездом несколько дней провели у других родственников, живущих в деревне в огромном доме. Местная детвора сбежалась, чтобы увидеть заезжую гостью. Накануне выходных в селе был банный день. Деревянный сруб-баня приютилась на опушке. Детвора отправилась в тайгу по ягоду и Танечку не забыли. Весело болтая и смеясь, добрались до огромного малинника. Корзинки наполнялись с завидной скоростью, в прочем и в рот попадало не мало.

Вдруг все замолкли, заслышав шум с противоположной, не просматриваемой, стороны куста. Сначала подумали, что еще кто-то их деревенских промышляет, но когда услышали сопение и треск сучьев, стало ясно, что это любитель полакомиться малиной, бурый хозяин тайги. Тут уж от страха всю компанию, как ветром сдуло: ноги сами знали дорогу назад. Миниатюрную Танечку водрузили на спину, самой старшей девочке, наказав обхватить шею покрепче. Стремительно бежали, спотыкаясь о корявые корни, о кочки, покрытие зелено-седым мхом. Падали, вскакивали и бежали, бросая букеты тюльпанчиков, роняя корзинки и рассыпая ягоды. Неожиданно девочка провалилась в яму, укрытую хвойными лапами. Первой вытащили Танечку, она же ближе к верху была, сидя на спине, затем торопясь помогли выбраться и ей.

На опушку перед баней ватага вылетела с воплями, перепугав купающихся женщин. Разобравшись, наконец, с произошедшим казусом, из сбивчивого наперебой рассказа, все успокоились и дружный смех, с прибаутками разнесся над

округой, потому что, своими испуганными визгами, дети напугали мишку, и он кинулся с такой же скоростью, только в противоположную сторону. Происшествие закончилось благополучно, но еще долго посмеивались взрослые, вспоминая казус. Правда, строго наказали, быть впредь внимательнее: с диким зверем шутки плохи! Это счастье, что он был сыт. Лето ведь. Для городской гостьи такое приключение запомнилось навсегда.

После теплого дождя родители отправились на прогулку. Танечка веселилась, бегая босиком по зеленому полю, сбивая капельки дождя, застывшие на травинках, гоняясь за бабочками, и вдруг все замерли, восторженно глядя в небо. Над просторной поляной от края и до края, как коромысло, повисла радуга, и казалось, что это вход в рай. Стоит только пройти под ее сводом, и попадешь в сказочное царство. Скорее всего, так представлялось происходящее мечтательной Таниной натуре, но природное явление не зависит от нашего воображения: оно есть, хотим мы этого или нет.

***

Возвращение в родные пенаты Таниной семьи оказалось для бабушки и дедушки столь неожиданным, словно им на голову свалился в знойный день снежный ком. Волновать телеграммой не стали. Как жили раньше без сотовых?! Был поздний час, но все окна дома ярко светились, под но-

гами хрустели осколки от битой посуды, совсем недавно так именуемой. В проемах окон мелькали силуэты и доносились возбужденные голоса. Да, их явно не ждали: время даром не тратили, скрашивали одиночество походами по гостям, и результатом увеселительных посиделок становились выяснения – «Кто в доме хозяин?» или что-то. Мама со слезами тут же принялась успокаивать родителей. Сердечко Танечки испуганно сжималось при виде таких сцен, неприязнь к пьяным осталась на всю жизнь, а папа с печальной иронией произнес: «Ну, вот мы и дома!»

В силу того, что домочадцы все-таки жили дружно, в доме воцарился покой и мирное сосуществование. Все пошло своим чередом.

Константин принял решение выйти в отставку. Первое, что сделал, став гражданским – сдал партбилет: «Не умею приспосабливаться и молчать, наблюдая несправедливость». Жить по принципу – «Дурак, ничего не знаю!» – проще и спокойнее, как бы, оправдываясь в содеянном поступке, шутил папа. Когда Таня начнет свой трудовой путь, ей, как молодому специалисту, хорошо зарекомендовавшей себя, будут предлагать пополнить ряды компартии. Она откажется.

«С кем поведешься, от того и наберешься», – гласит народная мудрость. И в силу многих обстоятельств: то ли царственного знака зодиака, то ли под влиянием папиных размышлений, она научилась воспитывать себя: не изменять

своим принципам, иметь свое личное кредо, быть коммуникабельной, но не льстить; расширять кругозор, многому учиться и оставаться благодарной тем, кто своим примером учил её жизни. Человеческие ценности и труд уважала, дорожила дружбой и умела быть верной подругой сама. Так утверждали друзья и все, с кем сводила её судьба. Стремилась уметь быть великодушной, всепрощающей. Впрочем, саму жизнь не щадила: были и предательства, и сложные жизненные, да и семейные, ситуации.

И теперь, когда не все гладко в жизни, и, неожиданно для себя самой, приближающаяся старость оказалась не столь радужной, как ожидалось, она с горечью думает: «Зачем ей это все было нужно! Жила бы неприметной пташкой, а не «белой вороной» Но опять, увлекшись каким – то новым стремлением, понимает, что тогда, это была бы не Она.

Мамины родители неудержимо старели и в силу возрастных особенностей вели себя, «как собака на сене». Все им было уже не так, и желали оставаться одни в доме, но стоило уехать, начинали приходить жалобные письма о трудностях одинокой жизни, и родители, неоднократно срывались с обживаемых мест и незамедлительно прибывали, но вскоре первая радость встреч сменялась новой волной недовольства. Такова старость – и Константин никогда не упрекнул жену, соглашался на отъезд сразу, лишь бы она не плакала, жалея дорогих ее сердцу стариков.

К маме Константина молодожены уехали сразу после сва-

дьбы. Она рано осталась одна стремя детьми на руках. Отец умер от заворота кишок, когда они были маленькими, а он еще не стар. Знахарка не помогла, пока довезли к фельдшеру в Огарево, было уже поздно. С тех пор Константин верил только медицине.

Призвался в армию он в тридцать седьмом году. Так и не сложилось больше до победного сорок пятого выбраться домой. Не сложно представить счастье матери, не видавшей около девяти лет своего среднего сына. Старший – Иван Петров, жил неподалеку, на краю деревни в добротном доме, благополучно. Младший – Василий, в Ленинграде, на земле предков. Родителей с детьми выслали в 1905 году из Санкт-Петербурга, после известных Истории трагических событий. Волею судьбы мать с сыном оказалась на площади среди бастующих, которых расстреливали казаки по приказу царя.

Жители Старых Выселок, в Тульской губернии обживали новое место, среди бескрайних просторов среднерусской равнины за много километров от населенных пунктов. Поселение принадлежало графу Толстому. Его усадьба Ясная Поляна находилась за несколько десятков километров.

Мать Константина рассказывала, что частенько, не спеша, проходил странствующий граф через их поселение. Одетый, как простолюдин, в холщовую рубаху, подпоясанной веревочным жгутом, с посохом и сумой с длинными лямками, надетой наискосок. Детвора ватагой и дворняжки провожали его до околицы, Он лишь добродушно усмехался в боро-

ду, поглядывая из—под мохнатых бровей на проказников.

Род Мазаевых размножался: дети обзаводились своими семьями, и только мужья из других мест вносили коррективы, давая свои фамилии женской половине. И в наши дни в тульской губернии эта фамилия многочисленна. Правда, папа рассказывал, что за всю войну не встретил ни одного однофамильца.

Из папиной родни Танечка застала только тетушку Олю, двоюродную сестру папы, которая росла в его семье, рано лишившись родителей и, живущую в их доме по-прежнему вместе со свекровью. Куплянка. С легкой руки Константина – это прозвище заменило ей имя. Это была пухленькая, маленького росточка и добродушная бабулька. С ней девочка и выплясывала в горнице, под любопытные и восторженные взгляды сельчан, облепивших маленькие оконца приземистого домика, с соломенной крышей. Танечку привезли из города, когда она тяжело заболела (кашляла по ночам кровью), и врачи посоветовали отправить в деревню, ближе к природе.

Тетушка работала на ферме дояркой. Уходила из дома с первой зарей, выгнав на выпас своих белых козочек, и возвращалась к полуночи. Женщина еще не старая по годам, выглядела, как высохшая древняя старуха. Танечке не было еще и семи лет, но она очень старалась быть полезной. Встречала коз, когда возвращалось стадо, хотя очень побаивалась рогатых бурёнушек, медленно бредущих по един-

ственной улице, жуя на ходу траву и призывно мукая, напоминали хозяюшкам, что им необходимо срочно избавиться от нагулянного на лугах молока, тяжестью наполнившего их разбухшее вымя.

Часто после вечерней дойки Танечка приходила на ферму к тетушке, и доярки давали ей выпить стакан парного молока. А еще чай с мятой, незабываемый вкус и аромат которого запомнился ей на всю жизнь; свежий воздух сделали свое доброе дело. Танечка посвежела, подросла, кашель прекратился. Когда в конце лета папа приехал забирать её домой, был приятно удивлен и рад.

Единственный маленький нюанс, о котором потихоньку поведала ему девочка – это отсутствие сладостей. Мама всегда приносила лакомке хоть пару штук дорогих конфет. Правда однажды тетушка, отправляясь в райцентр, спросила Танечку: «Что тебе привезти?»

«Конфет», – ответила девочка, и стала с нетерпением ждать возвращения. Сахарное драже «Подушечки» было «дубовым» и поцарапало нежный детский ротик, но она мужественно промолчала. «Не страшно, конечно, зато набралась сил в деревне и в город вернулась здоровёхонькой».

***

Семейная сага продолжалась. … Константин в очередной раз отправился на поиски работы. Сначала, как обычно сам,

чтобы устроившись, потом забрать и семью. На строительство Чиатурского марганцевого комбината приглашали рабочую силу разных специальностей. Вот туда папа и отправился.

Вскоре пришло письмо, и они с мамой стали собираться в дорогу. До Кавказа из Крыма не так уж далеко. Поезд прибыл в Тбилиси, поздно вечером. Получилась какая-то неведомая Танечке не стыковка, но то. что папа их не встретил на вокзале было неприятной неожиданностью. Как потом оказалось, они разминулись.

До сих пор помнится дорога с яркими фонарями, отражающимися на мокром асфальте и на стремительном потоке Куры, которые мелькали в темноте, утомляя глаза, когда они ехали на автобусе в рабочий поселок. Ранним утром прибыли на место Мама с большими красными чемоданами, сумкой и маленькой девочкой, стоявшей рядом, в оцепенении в предрассветном тумане разглядывала, снующие по канатам, вагонетки над их головами. Как преодолеть путь и куда направляться? Мама была расстроена, растеряна и ее волнение передавалось Танечке. К ним подошел мужчина и предложил свою помощь. Узнав, к кому они приехали, ловко перехватил чемоданы, освободив мамины руки, и она смогла взять дочь за руку, уговаривая её, успокоиться. Теперь всё будет хорошо!

На пригорке показалось двухэтажное деревянное строение. Это и было рабочее общежитие, в котором они будут

жить больше года в небольшой комнате и общей кухней. Танечка опять оказалась единственным ребенком. Её постоянно нарасхват приглашали в комнаты молодые строители, живущие на одном этаже с ними. Угощали, слушали ее милую болтовню, пели с ней песни, аплодировали после танцев. Девушки подарили красивые носовые платочки, обвязанные крючком радужными кружевами специально для неё.

Времена были голодные. Снабжение для строителей комбината было скудным. Бабушка присылала иногда посылки, наполненные мукой, в которую укладывали куриные яйца, на дно – грелку с растительным маслом. «Голь на выдумку хитра!». Они уповались вкусом придуманным папой супом, получившим название «Мурцовка» Своим детям Таня тоже иногда будет готовить такой суп, летними жаркими днями, когда пропадал у них аппетит. Рецепт прост. В охлажденную кипяченую воду крошился репчатый лук, и добавлялись кубики сухариков из черного хлеба, подсаливали и наливали немного растительного масла. Кто попробует, не забудет никогда!

Вкуснее черного хлеба, политого тем же растительным маслом, припорошенным солью, казалось, нет на свете. Мясо в рационе отсутствовало. Зато Танечка помнит, как они с мамой и другие жены рабочих, выстаивали долгую очередь в мясной лавке. Но вдруг продавец – грузин рассердился и крикнул, чтобы все расходились, мяса больше нет. Женщины стали возмущаться и тогда он, размахивая разделоч-

ным топором, вытолкал всех прочь.

Родители устали от мытарств, и они снова вернулись на калининскую улицу, но ненадолго. Оставив на время Танечку, уехали в Тулу. Снова на поиски работы и возможности получить свое жилье.

***

За окном зима, на редкость снежная, а в доме тепло и уютно. Трещали дрова в печи, аромат ванили наполнял волнительным предвкушением. Это бабушка Маруся, как обычно выпекала фруктовый рулет или наливной пирог, не столь важно. Важнее, что это было вкусно и ожидание такое приятное. Танечка сидела перед табуретом, сделанным папиными руками, и увлеченно рисовала. Теперь, это было одно из самых любимых занятий. Она старательно водила кистью по холсту, прибитому мелкими гвоздиками к рамке. Рисунки на тетрадных листиках, только пробудившись от сна, остались в прошлом.

Её отвлекало неистовое веселье резвых маленьких разбойников, которые метались из одной в комнаты в другую, скользя на поворотах, с визгами и цокотом копытц на крошечных ножках. Два розовых поросенка, смешные, с розовыми пяточками, торчащими ушками на макушке. Им не давали покоя бантики на Таниных тапочках, красивой леопардовой расцветки. Она так обожала их и расстроилась, ко-

гда бантики все-таки оторвались. Смотрела, роняя слезинки, как два зведения улепетывали, зажав их зубками, дерзко демонстрируя ей колечки хвостиков.

Зима быстро сменилась оттепелью и скоро с крыш свесились прозрачные сосульки, такие привлекательные на вид, что детвора не смогла отказать себе в удовольствии отломить по столбику и, не дожидаясь, пока эта красота от теплых ладошек истечет водой, старательно полизав их, охладила пересохшие разгоряченные губы. Жарко! Не мудрено, ведь одеты по-зимнему, а носятся, как угорелые. К вечеру у троих поднялась высокая температура, голоса пропали, боль в горле приносила страдания.

Ночь была тревожной: мама не отходила от Танечки, потому что ее преследовали страхи: От жара ее воспаленное воображение преподносило неприятные сюрпризы: казалось, что стены сдвигаются, а мебель, наоборот, становится «пузатой», от этого было тяжело дышать. Дети переболели тяжело и вскоре молодой организм справился. С годами такие явления стали реже проявляться.

***

Весной Танечка поехала с бабушкой к родителям. Они сняли времянку на двух хозяев. Общий коридор делил убогий домик на две части: в двух комнатах жили они, а напротив другая пара жильцов. В средней полосе России вес-

на не такая скоротечная, как в Крыму, поэтому проталины стали только появляться.

Папа готовил кушать на печи, управлялся по хозяйству, присматривал за дочерью, а мама работала в магазине, потому что с продуктами было тогда не очень, мягко говоря. На полках гастрономов красивыми пирамидками выставляли рыбные консервы, чтобы заполнить пустоту.

Танечка как – то вышла на прогулку одна. На улице было сыро, студено, потому одета была в зимнее тяжелое пальто на ватине. Скучно, никого вокруг, но подышать свежим воздухом необходимо. Как говорят: «В такую погоду хороший хозяин собаку не выгонит!» Она задумчиво стояла перед большой лужей, разглядывая узоры на тонком ледяном стекле. К вечеру становилось морознее, столбик термометра полз вниз.

Вдруг резкий толчок в спину, и от неожиданности, Танечка, потеряв равновесие, плюхнулась прямо в лужу. Соседский мальчишка решил похулиганить. Пальто мгновенно напиталось водой. Кроме холода, ее охватил страх, что она будет наказана, ведь была так неосмотрительна. Родители – замечательные, любимые, но воспитывали девочку в строгости. Вернее, это больше относилось к маме. Чтобы не происходило с Танечкой, она не должна была жаловаться или осуждать поступки своих приятелей, когда, играя, ее кто-то обижал или ударил. «Сама виновата! Не надо было там быть, туда ходить, это делать и так далее».

Так было всегда, и она училась защищать себя сама. И, прежде чем поступить, так или иначе, задумывалась: «А понравится ли это маме? Будут ли родители довольны ею?»

Так продолжалось до самого зрелого возраста, даже став мамой, она не могла избавиться от этого.

По этой причине девочка долго стояла перед дверью времянки, не решаясь войти в тепло, пока её не увидела соседка. Папа был расстроен. Развешивая мокрые вещи, ласково журил Танечку; заботливо растирал ее замерзшее тельце; напоил горячим чаем с молоком и, уложив в постель, бережно укрывая теплым одеялом, просил не поступать так больше.

***

Лето в Туле никогда прежде не было знойным. Было солнечно, плавали по лазури неба огромные белоснежные причудливой формы глыбы облаков. Зато перед грозой, вдруг наступала тишина, а потом сгущались темно – синие свинцовые тучи, из неоткуда появлялся вращающийся столб пыли, накатывался рокот приближающейся грозы. Всполохи молний, видимые издалека, начинали рассекать небо, и тогда первые тяжелые капли вдруг выпадали из туч, стремительно неслись вниз и звучно с ускорением барабанили по листочкам, крышам, вбивались в пыль, вздымая ее вверх фонтанчиками. Ветер усиливался, раскачивая деревья: как от веера, движение воздуха усиливалась, и дождь водяной стеной

выливался на землю, умывая все вокруг. Ураган был обычно кратковременной прелюдией, а потом просто шел проливной живительный дождь.

Мама почему-то панически боялась грозы и прятала голову под подушку. Это тревожное состояние передавалось и девочке, но, видимо еще не очень понимая, в чем дело, она просто жалась под мамин бочок, пережидая ненастье. Став старше, тоже стала ощущать неприятный холодок внутри, когда вздрагивала земля от продолжительного раскатистого рокота грома.

Однажды где-то вычитала, что есть поверье: если кушать пережаренную до черноты картошку, страх исчезнет. Правда, это было проблематично для нее, так как любила картошечку золотистую, с хрустящей корочкой, поджаренную на смальце искусной папиной рукой. Но чтобы побороть страх все-таки несколько «головешек» из его порции съедала. Сильно пережаренные ломтики, обычно, любил папа. Действительно помогло, как ни странно!!!

Лето сменила золотая осень, в начале своем, неизменно радовавшая бабьим летом, с разноцветьем цветущих астр и летающими в воздухе отливающими серебром паутинками. Вскоре воспеваемая поэтами пора блекла: деревья теряли свой последний лист; земля укрывалась пестрым покрывалом, готовясь к холодам. По утрам изморозь серебрила нежной сединой пожухлую траву, а лужицы – тонкой пленкой льда. Правда, это убранство еще исчезало, как только

скупо пригревало солнышко.

Последний месяц осени наводил на всех тоску: рано темнеет, по небу ползут низкие тучи, не в состоянии удерживать в себе моросящие дожди вперемешку с колючими льдинками, секущими лицо; студеный ветер пронизывал одежды на прохожих; разрушая труд дворников – ворох опавших листьев и кружил с ними вальс – Бостон. «Листья желтые над городом кружатся, тихим шорохом нам под ноги ложатся», – так происходит во все времена.

Однажды утром, открыв глаза, понимаешь, что за окном как-то светлее. Вскакиваешь, кутаясь в одеяло, и к окну. А там белым – бело. Зимушка – зима пришла: на душе праздник.

Так все и было в Таниной памяти. Еще и эту зиму проживет она с родителями на том же домике и на той же улице. Почему акцент на этом? Да потому, что долго ведь нигде не задерживались!

Как-то в разгар зимы к ним приехал папин племянник Василий с молодой женой. Встреча была радостной, много воспоминаний: папа прямо «расцвел душой». Это их будущий сын Михаил, будет с любовью называть Таню «сестричкой» в заполярном Кайеркане. Туда забросит их судьба с разницей в один год. Они будут дружить семьями до непредсказуемого 2010года, когда злой рок заберет пятидесятилетнего мужчину, и его семья, осиротев в одночасье, покинет эти края, вернувшись туда, откуда молодыми приехали за романтикой

и новой жизнью. Но это все будет потом.

Молодые собирались в Старые Выселки и попросили разрешения взять с собой Танечку. Родители решили, что путешествие ей не помешает и дали согласие. На другой день, уже втроем, они ехали в автобусе мимо Ясной Поляны, имения Льва Толстого; через Щекино – город Игоря Талькова, до п. Советское. Там выйдя из автобуса, вышли на дорогу, по которой двенадцать километров им предстояло идти пешком. Что в этот день машины, привозившей в определенные дни бидоны с молоком, не будет, Василий узнал еще на автостанции.

Время было за полдень, светло, и, окинув взглядом бескрайние снежные просторы, они с энтузиазмом, весело переговариваясь, тронулись в путь. Если бы интуиция предупредила бы их, какой будет эта прогулка! Стемнело неожиданно быстро, начал круговерть ветер, вздымая пушистый снег. Разыгралась метель.

Мама дала дочери в дорогу красивую ажурную шаль с бахромой: вдруг пригодится, ребёнок ведь. Танечку закутали в шаль, оставили только щелочку для глаз, ветер обжигал лицо. Идти по сугробам становилось все труднее. Девочку брали по очереди на руки, но, несмотря на то, что она была крошечной не погодам, как дюймовочка, в теплой одежде и в таких условиях все равно – тяжелая. Дышать было трудно. Она незаметно прокусила мамину любимую шаль и долго, потом страдала, жалея о содеянном поступке. Как не заплута-

ли, сколько шли, трудно сказать. но когда вдруг наткнулись на водонапорную башню на окраине деревни и вскоре мелькнул свет в первой избе, как в бреду, не могли поверить своему счастью: добрались!!!

Танечка все понимала и терпеливо перенесла с взрослыми это испытание. Василий только вернулся из армии: видимо его выносливость и навыки, приобретенные за время службы, помогли преодолеть этот путь, и спасли их.

***

Их появление в такое ненастье казалось невероятным, вызвало суету: тетушка обрадовано обнимала желанных гостей, открыв заслонку, ловко сажала на рогатину чугунные горшки с деревенской скромной снедью, быстро отправляла их в печь. Надо было накормить и обогреть. Вскоре на столе парила отварная картошечка в мундирах, соленые огурчики, дымящиеся щи, которые, кстати, не весьма приятно пахли пареной капустой. Танечка кушала, с трудом пересиливая себя, чтобы не обиделась тетушка. Девочка, избалованная папиными ароматно – прозрачными супами, с плавающими золотинками от навара, с красивыми цветными кубиками овощей и наваристым бордовым борщом, ела с трудом, даже проголодавшись основательно. Насытившись, все почувствовали, насколько устали и, взобравшись на полати русской печи, мгновенно уснули. Тетушка, как обычно, ушла

ни свет, ни заря, остальные, пробудившись, пытались разобраться, как же им удалось втроем вместиться на печи, заливаясь смехом над собственными прибаутками.

Деревенская жизнь зимой, кроме не просветной скуки, полна обилием своих прелестей. Все – таки матушка природа средней полосы России славится своим величавым ландшафтом, с просторами равнины, с возвышенностями и оврагами; лесами и промёрзшими речушками, скованными, поблескивающим под скудными лучами зимнего солнца, ледяным панцирем. А так как, домики разместились вдоль единственного заснеженного тракта, который связывал с соседними поселениями, то выйдя на улицу, можно было окинуть взором всю округу, слегка прищурив глаза от ослепительной снежной белизны и, не уставая, восторгаться и восхищаться. Только городской житель поймет это состояние души. Для старожилов красоты окружающей среды привычное дело и принимаются, как должное.

Выглянув в, укрощенное морозными узорами, оконце, едва просматриваемое меж сугробов, Танечка увидела, что народ собрался у дороги. Набросив на себя верхнюю одежду, на ходу закутываясь и застёгиваясь, все дружно протиснулись в дверь, галопом промчавшись через сени, чтобы не вдыхать, наполнявший их, «аромат», потому, что в загоне обитало домашнее стадо: буренка, козы, хавронья.

«Что за суета? Праздник?» – Громко спрашивали всех и никого. «Свадьбу встречаем!!!» – Был такой же ответ.

И, действительно, радостные и восторженные крики возвестили приближение свадебного кортежа. Тройка великолепных рысаков, «белых в яблоках», звеня колокольцами на оглобле, украшенная, развивающимися от быстрой езды, атласными лентами и цветами, вздымая клубы снежной пыли, стремительно «влетела» в деревню. Толпа кинулась навстречу, пытаясь ухватить коней под узды. Разгоряченные бегом кони встали на дыбы и вынужденно замерли, раздувая ноздри, из которых валил пар, как от сказочных драконов. Таков ритуал – выкуп за проезд. Получив угощение, испив за здравие и, пожелав «Совет, да любовь» молодоженам, повеселевшие жители расступились, и тройка продолжила свой путь. Продрогшие возвратились все в избу, приложив ладони к стене печи, согревали озябшие руки. Танечка долго еще пребывала под впечатлением.

Вечером отправились в гости к «Ивану Петрову», папиному брату. Он жил в доме вдвоем с женой: их дочь, как уехала, повзрослев, учиться, так и осталась жить в Ленинграде. Там вышла замуж, практически не приезжала, только присылала посылки с городскими гостинцами. После тетушкиного скромного жилища и их городских съемных комнат, Танечку поразила помпезность и ощущение добротного благополучия: полумрак комнат, наполненных предметами быта, темно – вишневыми плюшевыми тяжёлыми шторами над дверьми и в виде штор на окнах. Гостей усадили за стол, и, за угощением, взрослые долго беседовали, а Танечка вос-

седала на высоком дубовом табурете, как на троне. Её внимание занимала красивая вазочка с конфетами в неизвестной ей прежде сине-голубой обертке, с изображением пальмы на фоне ночного звездного неба. «Южная ночь» ленинградской конфетной фабрики – желе в шоколаде. Незабываемый вкус!

Время позднее. Стали собираться домой: «Надо знать и честь!». Хозяева вышли проводить. Ни заборов, ни калиток в деревне не было: от кого огораживаться, все родственники. Ночь была лунная и до самого горизонта, сколько мог охватить глаз, залитая голубым лунным свечением, снежная равнина. Безветренно. Полное безмолвие, только голоса прощания и, как отзвук, подал голос чей-то пес. Брели, не спеша по снежной целине, наслаждаясь. Впереди только по вертикальным столбам дыма из труб угадывались, занесенные снегом до крыш, избы, а небо черным бархатом с переливом мерцающих на морозе звезд, нависало над этим безмолвным великолепием. Такой пейзаж Танечка непременно напишет, вернувшись в город. «Не забывается такое никогда!».

В Тулу возвращались через Огарёво на рабочей электричке, до станции их доставила лошадка, впряженная в дровни, которые она тащила волоком поверх снега, а пассажиры устроились, полулежа в них, укутавшись в доху. Такая вот зимняя сказка – быль! И она случилась в детской жизни Танечки.

***

Ближе к лету снова пришло жалобное письмо из Крыма: трудно, скучаем, крышу необходимо «подлечить» – протекает. Как всегда, все бросили и вернулись.

Этим летом Танечке исполнилось семь лет и первого сентября, она нарядилась в темно-синее шерстяное платье с белым кружевным воротничком. Ей вручили портфель, который волочился по земле, из-за ее маленького росточка. Пришлось обнять его, бережно прижимая к себе. В классе, устроившись на скамью парты, вдруг поняла, что ей никого не видно. Учительница, мило улыбнувшись, посоветовала Танечке подрасти еще годик и тогда смело приходить за знаниями. Мама расстраиваться не стала, сама понимала, что маловата дочь, но для Танечки это была трагедия, ведь она так готовилась, ждала, волновалась. Горькие слезы неудержимо лились из ее наивно распахнутых миру, полных отчаяния глаз. «Это горе – не беда!»

В детстве быстро неприятности превращаются в счастье. Так произошло и сейчас. Мама предложила зайти к фотографу и запечатлеть несостоявшуюся первоклассницу. Ах, как же это интересно! Танечку водрузили на стул, мама дала в руки любимую немецкую куклу, подаренную на день рождения маминой подругой, тетей Леной, которая работала в универмаге. За спиной, как фон, крымский черно-белый пейзаж, а рядом статная, красивая мама. В светло сером

из тяжелого шелка платье, украшенном крупными, обтянутыми черным бархатом, пуговицами. В руках у мамы темно – бордовый клатч из «крокодиловой кожи», такого же цвета плетеные босоножки на высоком каблуке. Заплетенные косы мама уложила «корзиночкой», ниспадающей ей на шею. Загляденье!

***

Следующей весной Константин уехал снова, теперь уже в Мерефу. Там тоже жили родственники дедушки Павла: две семьи. Значит, было, где остановиться на время, пока что-то найдется. Устроился на работу в Липовой Роще – это станции в двадцати минутах, не доезжая до Харькова.

В августе Танечка с мамой приехали к нему и стали жить на первом этаже двухэтажного хозяйского, из красного кирпича, дома у самой железной дороги. Всю дальнейшую жизнь, многократно направляясь в Симферополь, проезжала, с волнением вглядываясь через вагонное окно, чтобы не пропустить момент, и увидеть снова, что он стоит себе неизменно, и годы не старят его, как ни странно. Пассажирские поезда обычно на приличной скорости проносились мимо.

Здесь Танечка с нового учебного года все-таки стала первоклассницей. Хозяйка срезала утром целый букет разноцветных астр и солнечным утром мама отвела девочку

в школу. Солнышко разогрело воздух, и первая изморозь бесследно растаяла. После первого звонка и торжественной части, всем классом расположились в центре площади перед школой. Фото получилось нарядным. Два ряда первоклашек: одни стоят, другие сидят в первом ряду, в центре первая учительница держит на коленях Танечку в фартучке с кружевными оборочками, с букетом в руках и огромным белым бантом в волосах. Почему так решила учительница Танечке не ведомо. Нарядные дети и обилие цветов, позади стройные ряды пирамидальных тополей вокруг школьной территории и здание школы – памятное фото сохранилось до сих пор.

Мама тоже устроилась на работу, уходила в шесть утра к открытию рынка, поэтому на занятия и домой Танечке приходилось ходить одной. Осторожно переходила многочисленные железнодорожные пути, потом шоссе и по небольшой улице с частными домами довольно долго шла вниз к реке. По мостику переходила на противоположный берег и по аллее через несколько метров оказывалась перед парадным школьным входом.

Училась старательно. Читать хорошо стала быстро. Помогла мамина требовательность. На стол перед Танечкой она выкладывала десять счетных палочек. Столько раз надо было прочесть заданный текст, И Танечка честно откладывала в сторону по одной палочке после каждого прочтения.

Однажды на уроке правописания, так старательно выводила перышком буквы с нажимом, что незаметно для себя

издала звук, который показался учительнице свистом. Ее накали, лишив на большой перемене стакана молока с круглой булочкой. Дети кушали, а она еле сдерживала слезы от первой несправедливости.

В марте приехала бабушка Маруся. Привезла полный чемодан подснежников на продажу к Женскому дню. В один из дней, встречая внучку у калитки, сразу заметила, что-то снова случилось в школе. Девочка была расстроена до трагизма. Узнав, что она получила первую в жизни «двойку» за кляксу, которая сама неожиданно скатилась с перышка, бабушка, как могла, успокоила Танечку, с трудом уговорила немного покушать и уложила отдохнуть. Сама же с тревогой ждала родителей, даже вышла им навстречу, чтобы предупредить о случившемся и строго запретила наказывать девочку, чтобы не травмировать, её, не окрепшую еще, психику. Первый класс был закончен «отлично!»

За стеной, во второй половине дома с отдельным входом, жила молодая семья. Их сын, Саша, учился игре на пианино и звуки его стараний или мучений доносились до слуха Таниной семьи. Правда, это не мешало детям дружить.

Хозяйский дом расположился прямо у подножия горы, сады и огороды заползали высоко вверх. Поднявшись по тропинке, Таня и Саша усаживались на траву, и перед их взором открывалась панорама всей Мерефы. Паровозные гудки, лязг маневрируемых туда – сюда, вагонов, долго стоящие на запасном пути грузовые составы; часто проносивши-

еся безостановочные пассажирские скорые поезда, в которых пассажиры отправлялись на юг и возвращались назад уже отдохнувшие и загорелые. Небольшое здание вокзала для местных электричек было, похоже, как две капли воды на другие, которые проезжаешь, по пути, если сесть в вагон и отправиться в Харьков. Видно все: машины, снующие по шоссе, домики, утопающие в садах; зелено-желтые пригорки по горизонту.

Однажды над городком завыла сирена, и голос Левитана торжественно зазвучал из уличных громкоговорителей. Дети встревожено вскочили, наблюдая, как из домов выбежали соседи. Все с замиранием сердца вслушивались: «Передаем сообщение ТАСС…. Сегодня… первый человек в космосе …Юрий Алексеевич Гагарин», – донес ветер радостную весть.

«Ура-а-а-а!!!!» – разнеслись торжествующие крики. Люди ликовали, обнимали друг друга. Мальчик и девочка, счастливые от того, что все хорошо, радостно скакали и кружились, взявшись за руки, вторя взрослым. Космическая эра началась.

В субботу у родителей был короткий день, а воскресенье – единственный выходной. Утро начиналось с завтрака, почти всегда традиционно: картофельное пюре, комаровские сардельки и нарезанные дольками овощи: помидорчики, огурчики. Свежие они или соленые, зависело от времени года. Таких сарделек нынче не найти, а тогда родственница рабо-

тала на мясокомбинате в Комаровке и привозила дефицит и на их долю. Потом садились в электричку и через тридцать минут оказывались на перроне харьковского вокзала.

Культурная программа начиналась обычно еще на привокзальной площади. У тележки с надписью «Пирожки» выстраивалась очередь и в мгновении ока раскупались маленькие пирожки с ливером по три копейки за штуку. Перекусив, отправлялись то в кинотеатр, смотреть новый фильм, то в драмтеатр на премьеру, то просто гуляли весь день в лесопарке: катались на колесе обозрения, в вагончиках Детской железной дороги. Лакомились мороженным перед сеансом, прохаживались в фойе, рассматривая портреты любимых актеров; покупали программку и анонс с фотографиями, брали театральный бинокль напрокат, чтобы поближе увидеть происходящее на сцене. Поздно вечером возвращались домой, немного утомленные, но довольные. Легкий ужин и вскоре погружались в крепкий сон. С утра начнутся трудовые будни.

***

Константин на производстве всегда был уважаем, трудолюбив и вскоре его фото красовалось на «Доске почета». Он терпеливо старался не вникать во всякие подробности, которые обычно выявляются на любом предприятии, стоит поработать длительное время. Приходилось делать вид, что ни-

чего не понимает, и ему нет дела до несправедливости и халатности: ведь необходимо было дождаться получения жилья. Скитаться по съемным квартирам не было уже сил. Все-таки и годы, и дочь подрастает, и уюта хотелось, наконец.

Надо было знать этого непримиримого, принципиального человека, воспитанного временем и офицерским званием, чтобы понять: он не мог долго оставаться равнодушным обывателем. После очередного собрания и его выступления, фото с «Доски Почета» тут же снималось, и мечта о получении квартиры становилась мифом.

Закончив второй класс, Таня с родителями вернулась в Крым. Благо предстояли летние каникулы. Дедушка и бабушка снова были рады: помощь подоспела вовремя, дел по хозяйству поднакопилось. Родителей сразу пригласили на работу, в Старом – Крыму их трудолюбие и старание уважали.

Детвора подрастала: и свои дети и соседские, поэтому двор для игр стал маловат. Тем более, что часть дома продали, и новые хозяева отгородились сеткой – рабицей. Теперь разрешалось играть на стадионе. Несколько метров вниз по улице – и огромное поле, с зелеными возвышенностями по кругу, которые заменяли лавочки для болельщиков и просто гуляющих.

В центре поля трава вытаптывалась от быстрых ног футболистов и играющей детворы. Дальше – большой колхозный сад. В соломенном шалаше спал сторож с ружьем, заряжен-

ным солью, для острастки «разбойников», жаждущих испробовать запретный плод: в своем саду яблоки какие-то не такие вкусные. Натоптанная дорога, петляя, уводила к первой речке, пересыхающей летом, до первого ливня. Вот тогда, она могла стать бурной и коварной. Были случаи, когда поток сбивал с ног, запоздавших путников, и не всегда им удавалось спастись.

У дороги росли огромные, с раскидистыми ветвями, деревья – грецкий орех. Правда, ядра были «скупые». К сентябрю пальцы вечно становились черными: красились при чистке молодой кожуры ореха.

За речкой, у подножия горы на полянках цвели многочисленные полевые цветы, порхали бабочки, стрекозы, с переливающимися прозрачными крылышками. Скакали кузнечики, на камушках грелись ящерки, под камушками ужики. На гору взбирались наперегонки, круто вверх, потому на четвереньках, чтобы не соскользнуть по траве вниз. Назад, скоротать время рисковали иногда тоже здесь. Дурное дело – не хитрое. Чаще не спеша, спускались по глинистой дороге. Она, как терраса ободком рассекала гору.

Наверху разгоряченные головы обдувал теплый ветерок и перед взором всех и всегда открывается панорама всего городка, от Санатория с запада долины и до водохранилища – на востоке. Крыши домов проглядываются среди роскошных садов, а горизонт – гора Агармыш. Как гигантская палатка, щетинится лесом и прячет за собой вечернее сол-

нышко. По этой причине раньше становится темно, чем положено по часам. Пять климатов, сосредоточившись в одном месте, делают эти места своеобразными, целительными и незабываемыми.

Если отвлечься на эту тему, то непременно стоит рассказать, что, прежде всего, Старый – Крым – Родина автора «Алые паруса», Александра Грина. Его домик на улице Суворова, посещается туристами. Все, как было при жизни писателя, сохраняется заботливыми руками его потомков.

Герой фильма «Вас вызывает Таймыр», приехавший в Москву искать талантливых исполнителей, в исполнении Евгения Вестника, служил в Старокрымской филармонии. А ведь сценарий и сейчас хранится в Музее истории освоения и развития НПР, потому что был написан в Норильске еще в пятьдесят восьмом году.

На местном кладбище покоится прах ведущего «Клуб кинопутешествий» – Шнейдера. На могиле все просто: зеленая лужайка и валун, с высеченной надписью, вместо памятника. Такова была воля знаменитого исследователя, исколесившего полмира: свой прах предать земле в этом милом его сердцу, малоизвестном городке.

У подножия горы, на которую взбираются все любители прогулок на природе, есть источник. Его считают исцеляющим, и назван он в честь святого Пантелеимона. С раннего утра и до позднего вечера нескончаемым потоком приходят и приезжают отовсюду люди, чтобы набрать Святой водицы.

Она студеная и очень вкусная, даже если быть атеистом или Фомой неверующим!

Такой вынужденный, незначительный ознакомительный экскурс, вызванный воспоминаниями, так сказать, автор несколько отклонилась от курса. Надеюсь, полезный!

***

В третий класс Таня ходила вместе с внуком новых соседей. Его звали Сережа. Сидели за одной партой. Его папа был капитаном дальнего плавания. В немецком порту познакомился с девушкой. Любовь не заставила себя ждать, и они поженились. Так рассказывали свою историю о себе они сами.

Моника – средне русая с голубыми глазами, была приятной, но незапоминающейся внешности.

Такой она виделась Танечке – натуре с уже формирующимся художественным вкусом.

Их старшая дочь, Марина, училась в ГДР, а на каникулы приезжала к родителям в Мурманск и с ними в Крым, погреться на солнышке. Жгучая брюнетка, с густыми вьющими волосами, в форме длинного каре, в светлых стильных шортиках, в блузке – «матроска», она ловко крутила обруч, привлекая девичьи глаза своим эстетическим образом.

«Девушка должна быть, такой красивой, как мама и изящной, как Марина!» – первые мысли об Идеале.

Как—то Сережин папа, вернувшись из плавания, привез необычные гостинцы, которые ввели детей в неописуемый восторг. Это были тюбики с чем-то очень вкусным, напоминающим конфитюр. «Питание для космонавтов» – торжественно он уведомил всех. «Неужели, космонавты такое кушают?» – удивление читалось в глазах, но тюбики опустели, не дожидаясь объяснений и независимо от него.

Снова Танина семья отправится на поиски своего места под Солнцем. Жизненные пути Тани и Сережи так и не пересекутся больше.

***

Середина шестидесятых для Таниной семьи прошла в ожиданиях лучшей жизни. Родители вступили в кооператив и ждали, когда же построят долгожданный пятиэтажный дом на улице Металлургов в районе Криволучье города Тула. Все это время жили в частном секторе, через дом от прежнего адреса, поэтому соседи их семью знали. Соседские дети подросли так же, как и Танечка, и ей было легко адаптироваться, потому, что её помнили с малых лет. Она тоже не забыла никого из тех, с кем дружила, а теперь добавились еще и новые приятели.

Улица была очень своеобразной: дома располагались по кругу, окружая обширное пространство, включающее и стадион с воротами, как полагается; и лужайку, на кото-

рой по вечерам рассаживались от мала до велика и находили общий язык, чтобы интересно провести досуг. Крыша «грибок» со столом и скамьей вокруг, укрывала от дождя и солнечных лучей закадычную компанию. Два переулка с противоположных сторон размыкали пространство внутри, давая возможность попасть сюда извне и жителям, и транспорту. Один, начинаясь от проспекта Кутузова, отделяющего длинной, прямой линией микрорайон от частного сектора, сразу за рядами домов, продолжался вглубь квартала, плутая между домами.

Второй переулок, был тупиковым и заканчивался у глубокого оврага. Зимой, по его спуску на больших санях рассаживались сразу несколько человек. Крепко вцепившись друг в друга, с визгами неслись вниз по уклону. Перед самым оврагом, старшие специально накренялись вбок, и сани переворачивались, прерывая движение. Куча мала, сваливалась в сугроб и, хохоча до изнеможения, пыталась встать на ноги. Затем пустые огромные сани сообща тащили наверх, и удовольствие повторялось.

Танечка ходила в школу во вторую смену, как это обычно заведено для среднего звена учащихся. Потому пробудившись утром не слишком рано, не заставала родителей дома. Они уходили на работу, оставляя на столе, накрытый полотенчиком, завтрак. Приподнимая краешек ткани, девочка изучала меню. Если там отсутствовало что-то в виде пудинга из кубиков манной каши, залитых плодово-ягодным киселём

или подобного лакомства, могла «забыть» позавтракать.

Закончив уроки, облачалась сразу в школьную форму, чтобы экономить время: не переодеваться, а сразу отправиться на занятия. Дожидалась свою тезку, и подруги, надев лыжи, съезжали в овраг. Там катались со склонов, зарывались в сугробы: одним словом, играли в «войнушку». Когда «наши» побеждали, оставив лыжи дома, схватив портфели, мчались в школу, забегая в класс перед звонком, усаживались на одну парту, чтобы перевести дух, и принять вид прилежных и послушных девочек.

Однако, их проказы не остались незамеченными. Маму пригласила классная дама. Она хоть и любила Танечку, за отличное поведение, добросовестность и прилежание в учебе, отличные успехи в изучении русского языка, но не предупредить родителей не могла.

Поведала учительница маме, что Танечка приходит в мокрой одежде, возбужденная и, вообще, ей казалось, что дружба девочек слишком привязчивая и ник чему хорошему не приведет.

У подруги была большая семья: взрослые сестры и брат, которые баловали младшую. Вся семья работала, достаток позволял ни в чем ей не отказывать. Таня была не по возрасту добротно одета, и красивая стрижка, делали свое дело: она выглядела интересной и старше. Танечка часто доставала родителей слезами обиды, что ей тоже хочется иметь такие же наряды. Чем она хуже? На это папа, который прошту-

дировал в свое время и Ушинского, и Макаренко, с педагогической точки зрения считал, что всему свое время, вещал в ответ: «Если, милая, мы будем сейчас покупать тебе такие наряды, то, что ты попросишь, когда тебе исполнится восемнадцать лет?».

Девочкам запретили проводить время вместе. Они общались украдкой, но совместные игры закончились. Вскоре подруга познакомилась с мальчиком и быстро забыла Танечку в пользу нового друга. Это было первое предательство в жизни девочки, так она была убеждена.

***

В детстве горе долгим не бывает, и вскоре появилась новая подруга, Лида. Она жила в начале переулка, с родителями и братом. Весь проспект, школа и школьный стадион напротив, представали перед их взором, когда подруги, открыв настежь створки окон весной, укладывали пластинки на диск проигрывателя, опускали ручку с иглой, и из окна на улицу вырывались мелодии шестидесятых. Летом сидели перед домом на лавочке и наблюдали за происходящим вокруг.

Однажды они стали очевидцами истории одной любви. Красивая девушка, стройная, с синими ясными глазами и черными с синим отливом волосами, шла навстречу красивому юноше. Свидание. Он подарил ей красивые цветы, она мило улыбнулась, принимая из его рук признание в сим-

патии. Так как девушка работала в универмаге неподалеку, девочки не раз видели ее там.

Свидания продолжались изо дня в день. Он встречал ее, и они с каждой новой встречей выглядели все радостнее и счастливее. Что это любовь, было ясно даже девчонкам. Так продолжалось все лето. Но одна из встреч вдруг насторожила наблюдательниц. Пара шла порознь, а не как обычно, под руку. Наклонив голову, девушка слушала спутника, уже не заглядывая ласково в его глаза, не слышался ее счастливый смех, хотя юноша, что-то говорил ей. Видимо его речь была неприятная для ее слуха. Что-то изменилось в их отношениях, не в лучшую сторону. Подруги расстроились: им так нравилась эта пара. Еще один раз молодые прошли мимо вместе, и больше девочки их не видели. Стало грустно, и подростки первый раз осознали, что сказка о любви может быть не всегда только со счастливым концом.

***

В конце декабря Танечка вдруг разболелась: сначала пропал аппетит, потом стала подниматься температура, которая вызывала странные ощущения. Она обычно дома оставалась одна, ведь родители не могли оставить работу. Вдруг возникло желание взять ножницы и порезать ими покрывало. Девочка вроде понимала, что это плохо, но какой-то голос твердил: «Режь!». Своим страхом она расстроила роди-

телей, и утром папа пошел с Таней в поликлинику. Они сидели у стены на скамье в ожидании приема. Мимо прошла медсестра, мельком окинув их взглядом, прошла в кабинет. Через несколько секунд дверь распахнулась.

– Что вы здесь делаете? – возмущению доктора не было предела. Папа вежливо попросил пояснить, в чем дело.

– Разве Вы не видите? У Вашей девочки желтуха! Она же уже коричневая! Немедленно, в стационар!!

Папа внимательно посмотрел на дочь.

– Она вообще – то смуглая, южанка. Думали, что плохо кушает, вот и выглядит неважно, – смущенно и с тревогой в голосе, произнес он.

В палате Таню тут же уложили под капельницу. Врачи суетились, чем – то обеспокоенные, но ей, конечно, никто ничего не говорил. Лечение длилось долго. Строгая диета, запрещающая кушать практически все. Но скоро дело пошло на поправку. Кожа посветлела, лицо округлилось, глаза повеселели.

Как-то под большое окно палаты пришли два паренька. Друзья, соседи и одноклассники, вышли на прогулку и от нечего делать, перемахнув через ограду, плутали по больничному городку, заглядывая в большие не занавешенные, окна и увидели Таню. Девочка им приглянулась, и друзья стали проведывать ее каждый вечер. Стояли под окном и пытались развлекать всех присутствующих в палате, рассказывая что-нибудь, громко крича и жестикулируя ру-

ками.

Приближался шестьдесят седьмой Новый год. Родители сообщили счастливую весть: получили ордер на квартиру; мама по жребию вытащила номер «24», на втором этаже. Эта радость прибавила сил, тридцать первого числа с утра Таню выписали. День был коротким, и после двух часов за ней пришел папа.

Вещи уже упаковали и решили не ждать окончания праздников, как многие, а начать перевозить свой скарб прямо сейчас. Погрузили пожитки на сани. Таня оставалась дома, а родители увозили вещи в несколько ходок. В подъезде они были в эту ночь одни. Папа спустился вниз и заблокировал изнутри парадную дверь шваброй. Уставшие, но счастливые, родители забылись крепким сном, а Таня встретила Новый год с трехлитровой банкой виноградного сока. Диета продолжалась.

Правда, одно событие омрачало Танину радость: Мама наотрез отказалась брать в дом ее любимого котенка Мурзика. Папа не стал портить настроение, ведь спорить с мамой было бесполезно всегда.

«Что головой об стену биться – ни толку, ни пользы», – усвоил Константин в свое время, но смирился. Остался дружок в хозяйском доме, правда, не брошенный на улицу, но сердечко долго не хотело мириться. Навещала по мере возможности, пока не уехали из города навсегда.

Позднее стали заселяться соседи, не торопясь, видимо

было желание сначала, отметить праздник. Дом наполнился звуками, суетой, количество светящихся окон с наступлением сумерек возрастало прямо пропорционально активности, заселяющихся новоселов.

В один из вечеров раздался звонок в дверь. Мама открыла, и Таня услышала, что спрашивают о ней. Конечно, пришли ее новые приятели, два неразлучных друга. Мама что-то ответила, затем прикрыла дверь и… «пропала» часа на три в подъезде. Папа все посмеивался, что к ней пришли кавалеры. О том, какие «комплементы» в Танин адрес могла наговорить мама ребятам, можно было только догадываться. Был слышен говор и смех троицы за дверью. Правда её авторитет выстоял, и друзья зачастили.

Выходить прогуляться вдоль дома ей разрешили, но скоро Таня поняла, что она – «третий лишний». Быть причиной раздора между друзьями ей не хотелось, тем более что Толя ей как – то больше нравился. Значит, надо было обидеть второго, ей такой поступок был не по душе. Тогда придумала версию о своей занятости и предложила ребятам перестать ходить напрасно в такую даль. Видимо ее поняли правильно. Визиты прекратились.

Это не стало причиной одиночества. Таня была уже в том возрасте, когда мальчики замечали и приглашали на свидание с завидной периодичностью, не смотря на обычную внешность девочки и чрезмерную застенчивость. Так придирчиво оценивала себя Таня. Впрочем, и то, что стоило ей

где-то появиться, любой приглянувшийся юноша, обязательно обращал на неё внимание и непременно знакомился, если она того тайно желала, стало нормальным явлением, признавала и принимала, как благосклонность судьбы, а значит, как должное. Что ж, на то она и будущая «львица»!

***

Страна восстанавливала Ташкент после разрушительного землетрясения, и Константин тоже завербовался на строительство, ведь выплачивать взносы за кооперативную квартиру нужно было ежемесячно. Родители хотели досрочно погасить задолженность.

Таня и мама остались вдвоем. Папа высылал деньги, посылки с гостинцами, а как – то приурочил к празднику подарки своим дамам: трикотажные стильные жакеты, фабричной вязки. Доброкачественные изделия не только грели, но и украшали. Благодаря папиным переводам, в дом приобрели сервант и первый черно-белый телевизор «Рекорд». Теперь чемпионаты мира по хоккею и футболы заядлая болельщица могла созерцать в полном объеме, а не довольствоваться радио – репортажами.

«Сага о Форсайтах» – этот сериал и «Новогодний огонек» – единственное, что удалось посмотреть по хозяйскому телевизору, когда снимали времянку. Бывший хозяин работал сталеваром на металлургическом комбинате – мог поз-

волить себе такую «роскошь» по тем временам.

Больше всего он дорожил другой «драгоценность» – чистокровной немецкой овчаркой серо-голубого окраса. Очень серьезное создание – зверь. Собаки не уважают пьяных, а мужчина имел привычку, приняв не малую дозу спиртного, открывать засов на высокой калитке, входил в вольер и начинал дрессировку. Однажды забыл закрыть засов, наигравшись, ушел в дом и уснул, изрядно утомленный.

Как-то после прогулки Таня с подругой решили, погреться дома. Мама готовила в деревянной пристройке на керогазе. Была ранняя весна, достаточно студено и на Танино счастье, теплое зимнее пальто с мутоновым воротником спасло ей жизнь. Овчарка, как голубая молния, в стремительном броске, ударила лапами девочку в спину, сомкнула пасть на шее, лежащей на земле. Все произошло неожиданно мгновенно. Заслышав истошный крик мамы, жена хозяина догадалась растормошить его. По счастливой случайности, ей это удалось! Челюсти разжались, засов снова задвинулся, пережившая стресс Таня, осталась невредима, но страх перед большими собаками остался, а они всегда так и норовят оказаться поближе, видимо чувствуя это. Не весьма приятные ассоциации так некстати, отвлекли от более приятных событий.

Впрочем, отсутствие папы, волнение о его благополучии там, не давали беззаботно и радостно жить. К тому же в письмах промелькнуло, что обстановка там криминально –

неспокойная, и тревога усилилась. Ждали его возвращения с нетерпением, скучали, и было уже не до денег.

Поздно вечером раздался звонок в дверь, мама встревожилась: «Кто в такое время?». Но Таня радостно бросилась к двери, абсолютно убежденная, что это папа. Она чувствовала папу и не ошиблась. Радостные объятия омрачились слезами: жена и дочь не смогли сдержать их. Мужчина, совсем не напоминал, такого любимого, ухоженного, мягкого, ароматного, дорогого сердцу мужа и папу. Худой, загорелый, как негр, измученный тяжелым многочасовым трудом; неустроенностью, быта; плохого качества питьевой водой и моральным напряжением, он нуждался в отдыхе и заботе. Такая цена достатку! Такие «дорогие» были эти деньги!!!

***

Времена года сменяли друг друга согласно законам природы. Стрелки часов совершали бесконечный свой «бег» по кругу. Время неумолимо оставляло позади прожитое: час за часом, день за днем, год за годом. Вот и восьмой класс позади, а впереди – экзамены и выпускной бал. Для Тани заказали у знакомой портнихи платье. Нежно кремовый тонкий драп хорошо сохранял форму строгого и модного кроя. Светлые лодочки на шпильке – завершали образ. В таком наряде Таня выглядела повзрослевшей и стильной.

Экзамен выдержала успешно. Дни стояли погожие, и она с приятелями все вечера заигрывалась волейбольным мячом. Упражнялись в ловкости, стремясь удержать мяч в полете дольше или «смачно» хлопнуть им, сидящего в центре круга штрафника. Показалось, кто-то окликнул. Мимо проходила классная руководительница. «Таня, почему ты дома? Сегодня – Выпускной бал. Я тебя не понимаю!» – удивлено и строго задала она вопрос. Что тут ответить? «Забыла!» – даже неловко признаваться и оправдываться не стоит: все равно уже поздно.

Мамина практичность не подвела: наряд, предназначенный для бала, прекрасно смотрелся в праздничные дни в дальнейшем, да и в будничные, если без высокого каблука. – «Скромненько и со вкусом!»

***

Этим летом пришлось остаться в городе: родители работали. Таня находила себе занятие по душе. Она к тому времени много читала, увлекалась серьезной литературой. Часто появлялось желание рисовать. Часть домашних хлопот также возложили на нее.

Из окна можно было видеть весь двор, а если открыть створку и выглянуть, то обзор расширялся. Когда ждала с работы папу, было видно трамвайную остановку, и она узнавала его издалека. Мама появлялась из-за угла соседнего дома

с противоположной стороны, и ее доводили взглядом до самого подъезда, пока не скроется из виду за парадной дверью.

Гастроном, в котором мама работала, закрывался в 23—00. Благо не больше десяти минут уходило на дорогу домой. Ужин, приготовленный папой и, наполненная горячей водой, ванна уже ожидали ее регулярно. Шутка ли полсуток на ногах, не присесть! Это сейчас покупателя могут и не заметить, а тогда – «покупатель всегда прав!» – непреложный закон, который нельзя было нарушать ни под каким предлогам. Мамины слезы от боли в ногах Тане были не понятны, и только с годами она прочувствует эту боль сама, а пока жалела маму, как могла.

Подружка Валя с четвертого этажа пригласила провести несколько дней в деревне, куда она собиралась отправиться, чтобы проведать свою бабушку. Таню родители отпустили с удовольствием. Отдых от городской суеты пойдет на пользу, да и свежим воздухом подыхать – куда лучше. Одним словом, на следующий день девочки отправились в путь. Вышли из трамвая на последней остановке, уже за чертой города, и пешком направились в сторону деревушки: благо – это расстояние составляло не более трех километров. Шли по грунтовой дороге, болтали, не умолкая, смеясь по любому поводу, словно смешинку съели за завтраком.

Параллельно им, какое-то время пролегала железнодорожная ветка Москва – Юг. Гудок оповестил о приближении поезда, и девочки остановились. Мимо проносились вагоны.

Это был воинский состав: из окон их радостно приветствовали ребята в военной форме, и подружки отвечали им, размахивая букетами из полевых цветов. Советская армия была гордостью своей страны, а военнослужащие – любимые и уважаемые всеми.

Вскоре на пригорках показались первые домики, разбросанные хаотично, не огороженные заборами. Бабушка показалась слишком ветхой. Она только взглянула на девочек и снова ушла в дом, предоставив им полную свободу действий. Для городских жительниц, скромность бабушкиного жилища, отсутствие элементарных удобств и привычной пищи не стало поводом для разочарования. Девочки обходились, довольствуясь прелестями деревенской жизни. Они спали на сеновале, вкушали плоды из заброшенного сада и все время проводили на природе, с блаженством вдыхая свежесть воздуха и ее ароматы.

Вокруг между массивом смешанного леса простирались бескрайние поля. Холмистая местность цветастым зеленым покрывалом стелилась повсюду, куда не кинь взгляд. К вечеру девчонки и мальчишки всех возрастов шумной ватагой собирались на поляне в центре деревни, и окрестности оглашались их звонкими голосами. Таня быстро стала и здесь своей. Веселилась со всеми: ловили жуков и гонялись друг за другом, норовя засунуть, щипала за пазуху кому-то, да еще и хлопнуть рукой, чтобы разозлить пленника, тогда он обязательно щипнет за кожу. Такие вот безобидные хулиган-

ские, в сравнении, наклонности!

Как водится, в жизни и здесь нашелся «первый парень на селе». Выделяющий и приятной внешностью, и отличным, от деревенских ребят, поведением, подросток привлек внимание Тани, и она не осталась незамеченной. Они познакомились. Валерий был старше на год. В жизни Тани на какое-то время появился новый друг.

Через день после возвращения домой, Валерий оказался под ее окнами. Приехал на велосипеде. Таня встретила гостя. Он, слегка смущаясь, но внушительно, поведал ей, что без нее чего-то не хватает теперь, то есть Валерий признался, что она ему не безразлична. Хороший паренек, это Таня понимала, но мама, отправляя сына на свидание, заботливо покормила его наваристым борщом. «Разве можно на такой ответственный разговор отправляться голодным?» – Решила она.

А Таня, натура утонченная, к своему скорее несчастью, уловила этот запах, когда мальчик нежно и робко поцеловал ее, в знак подтверждения своему признанию. В следующий свой приезд не застал её дома. Таня прогуливалась с подругой по проспекту. Валерий нашел их и некоторое время шел рядом, пытаясь понять, что же изменилось: «Почему Таня сегодня другая и просит больше не приезжать?» Ну, не могла она сказать, что причина дурацкая, но ничего поделать с собой она не может, ведь этот запах напомнил ей, что мальчик деревенский.

Такой вот подростковый максимализм! Видимо уже тогда она начинала понимать, что ждет от жизни встречи с избранным чувством. Конечно, этому способствовало и то, что все чаще ей твердили, что создана она для красивой жизни, и быть ей женой офицера, и не меньше. Мальчик пожелал ей всего хорошего. Больше не приезжал. Правда, подруга говорила, что спрашивал, как она живет.

Думаю, хорошие мужские качества были у мальчика, и, надеюсь, он стал настоящим мужчиной, осчастливив, достойную его, подругу жизни

.

***

Лето досадно быстро заканчивается. Приблизился первый день сентября. Девятый класс. Рано смеркалось, но молодежь успевала до наступления зимних холодов потусоваться, как нынче говорят, во дворах перед подъездами, хотя на лавочках уже не посидеть, как прежде: сыро и все прохладнее. Таня в белом, из ворсистого драпа с красными вставками на воротнике и карманах, демисезонном пальто, в полусапожках на шпильке и фетровой шляпке – котелок с небольшим козырьком в стиле героини фильма «Как украсть миллион…» в очередной вечер вышла к приятелям. Говорили обо всем и ни о чем, разглядывали прохожих, веселили себя, как могли, шутили по поводу и без повода.

В этот памятный вечер среди девчонок оказался лишь

один паренек – Сережа. К ним приближалась шумная компания взрослых парней, которых было слышно и видно издалека: держались больно вальяжно, игнорируя окружающих. У Тани появилось неприятное чувство тревожности. С годами интуиция усиливалась, часто предсказывая события. Уходить было уже поздно.

Парни, конечно, заметили девочек и, не успев подойти, сразу стали распускать вести себя развязно. Грубо хватая девчонок за руки, тащили в подъезд, в подвал. Прохожие делали вид, что ничего не замечают, а Сергея припугнув расправой, отправили восвояси. Высокий парень пытался схватить и Таню, но она ловко вывернулась. «Оставь меня в покое» – строго предупредила, не показывая свой страх. «Не ломайся!» – вульгарно гримасничал хулиган.

Сигарета в мундштуке светилась мерцающим огоньком в темноте, фонарь над подъездом, как обычно был без лампочки. После второй попытки затащить Таню в подъезд, она поняла, что надо защищаться по – настоящему, иначе ей с ним не справиться. Наотмашь влепила пощечину обидчику. Мундштук выпал на землю. Парень оторопел от такой наглости девчонки и, недолго думая, ударил кулаком по губам. Кровь потекла из разбитой губы на белое пальто.

«Подними!» – зло прозвучало требование. «Нет!» – твердо ответила девочка, гордо глядя ему в глаза. От волнения холодным обручем стянуло голову, но страх улетучился. Теперь она была уверена, что лучше умереть, чем уступить. Что

увидел обидчик в глазах Тани, только можно догадываться.

– Пошла отсюда, дура! Чтобы я тебя больше не видел! – От своей беспомощности, кроме хамства, ему нечего было сказать.

Не спеша, повернулась и пошла вдоль дома, спиной чувствуя взгляд и сжимаясь от ожидания: вдруг станет, догонять. Когда завернула за угол, побежала, гонимая этим страхом, ведь он уже не видит.

Папа открыл дверь: «Ты сегодня рано, Тенёк». Она наклонилась, снимая обувь. «Холодно на улице», – ответила, и тут же зашла в ванную. Губы распухли, стало знобить. Переоделась, отказалась от еды и тут же легла под предлогом, что перемерзла. Слышала, как пришла мама. Тоже удивилась, что так рано дочь легла спать, но папа успокоил словами Тани, что видимо она замерзла. Осень заканчивалась, того и гляди пойдет снег. Утром все разошлись. Все вскоре забылось до новых приключений. Встречи друзей сменили место своей дислокации.

Эти события стали началом грядущих приключений. Криминальность будет преследовать Таню всегда. Хулиганов будет притягивать к ней, как собак. Объяснения этому она не знает и сейчас.

***

Выпавший снег сделал улицы светлее по вечерам, изба-

вил от сырости и воздух наполнился морозным ароматом. В их компании появился парень из соседнего двора. Какой-то непонятный, не очень привлекательный чужак, зачастил. К нему со временем привыкли. Улица общая, не запретишь человеку бывать там, где ему нравится. Как – то отобрал у Тани добротные перчатки. Домой пришла без них, переживая, что мама заметит отсутствие, необходимого зимой, аксессуара.

Следующим вечером попросила вернуть ей взятое, но парень сказал, что они ему дороги, потому что напоминают о ней. Боясь гнева мамы, стала объяснять парню, что он не должен так поступать с ней.

– Оставил дома. Ладно, отдам. Пойдем со мной, – предложил он. Таня отказалась.

– Тогда они останутся у меня. Напрасно боишься, дома мама. Согласилась дойти до его дома и подождать внизу.

– Вот видишь, окна светятся: дома мама, – уговаривал Валерий. Перед дверью снова появилась тревога, но показывать страх было не в ее правилах. Шагнула через порог. Мамы, конечно, дома не оказалось. Надо было предвидеть такой исход.

Парень не скрывал радости оттого, что она у него дома. Помог снять пальто, повесил на вешалку. Гостеприимно пригласил пройти в комнаты. Стало заметно, что она нравится. Угостил конфетами. Просил не волноваться. Смотрели фотографии, разговаривали какое-то время.

Но вскоре парень стал все-таки смелее, и Таня поняла, что ей угрожает бесчестие. Винить будет некого: сама пришла. О последствиях влюблённый, видимо даже не задумался, и надо было любыми путями спасать себя. Таня призвала в помощь всю свою артистичность, на которую только была способна. Ее слезы были настолько искренне – наивными, что его сердце видимо, дрогнуло от жалости к ней: наверно действительно любил. Валерий ласково пытался успокоить девочку, просил прощение, что напугал, говорил, что не хотел ее обидеть, что он жалеет ее и очень нежно любит.

– Тогда позволь мне, уйти и верни перчатки. Мама меня будет ругать! – Пользуясь моментом, твердо сказала Таня.

Валерий послушно подал пальто, чтобы она оделась, заботливо застегнул пуговицы, осторожно вытер платком еще блестевшие на щеке «крокодильи слезки», наклонившись, застегнул молнии на сапожках. Было видно, что эта процедура доставляла ему удовольствие, а Таня считала минутки, ожидая, когда снова переступит порог, но уже на свободу.

Вдвоем дошли до ее подъезда. Валерий нежно сжал ее руку при расставании. Она терпеливо выдержала все это и, наконец, позвонила в свою квартиру. Дверь, как обычно открыл папа.

Ночью поднялась температура. Пережитый стресс не прошел даром. Утром пришел доктор, осмотрел и сказал, что девочка здорова. Видимых причин простуды нет. Внимательно глядя ей в глаза, предположил, что в таком возрасте бывают

волнения

Вечером следующего дня в дверь позвонили. Мама открыла и ответила кому-то, что Таня больна. – Тебя спрашивали! Кто это был, интересоваться не стала, а девочка догадалась со страхом, что приходил Он.

Потом были шоколадки через подружку и пожелания выздоровления. Когда поправилась, перестала выходить к друзьям и тогда стали передавать угрозы, чтобы не пряталась.

Родители заметили, что Таня последнее время встревоженная, плаксивая, что-то с ней не то. Решили отправить ее в Старый – Крым. Там закончит девятый, да и старикам подспорье будет, уже ведь взрослая девочки.

В долгий ящик свое решение откладывать не стали. Днями папа уже провожал Таню на вокзале. Посадил в вагон и перед отправлением обнял дочь, пожелал хорошо добраться, и не забыть сразу, телеграфировать. Поезд тронулся. Папа за окном помахал на прощание.

В вагоне Таня, по словам проводницы, была одна. Стала как-то неуютно. До следующей станции она продолжала сидеть у окна.

Поздний вечер. Редкие пассажиры разбежались на посадку к своим вагонам. В это время года южное направление не востребованное, это в курортный сезон билеты дефицит. Через несколько минут перрон медленно поплыл назад, и тут перед окном мелькнул силуэт, одиноко стоящего, парня. Он побежал вперед, и душа ушла в пятки от предположения. Че-

рез несколько секунд, он вошел.

– Я заметил, что Вам грустно одной. Провожу Вас до следующей станции, – произнес утвердительно, не спрашивая.

Таня держалась сдержанно вежливо, стараясь не подать вида, что, естественно, напугана. На ее счастье парень оказался просто общительным, милым. Вел себя прилично, веселил Таню и скоро расположил к себе. Молодость быстро находит общий язык. За разговорами время прошло незаметно, поезд замедлил ход и, прощаясь, новый знакомый пожелал Тане доброго пути и «оставаться такой, как она есть, всегда». Такие слова в свой адрес она теперь будет слышать не единожды.

Утром на станции Айвазовская Таню встретил дедушка. На автобусе доехали до феодосийского автовокзала в центре города, возле центрального рынка, того самого. Это чуть позже автовокзал построят нам же на станции. Затем пригородным рейсом прибыли в Старый – Крым. Радостно обняла бабушку Марусю. Дома, как всегда витал аромат ванили: ее ждали.

На следующий день утром отправилась в школу. Девятый «А» класс принял Таню спокойно: просто присматривались к новенькой. Она хоть и выросла в этих краях, но те, кого знала, учились в других классах. Вскоре на уроке литературы все кардинально изменилось.

Проходили произведение Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Нужно было дома подготовить рассказ по теме

«Образ русской женщины». Продумала, как это делала всегда, о каких качествах писал автор, заложила подписанные закладки на странички. Так ее научила тульская учительница, Тамара Дмитриевна. Именно она привила Тане любовь к русскому языку и литературе, и это способствовало тому, что она знала эти предметы на «отлично» и всегда выручала класс и учителя на «открытых уроках».

Вот и этот раз, все пошло по известному Тане сценарию. Учительница предложила новенькой рассказать, как она справилась с домашним заданием. Все дружно с нескрываемым интересом повернули головы в ее сторону. Просто никто не знал, что такие минуты для Тани – звездный час. Повествование началось. Свои рассуждения об отличительных особенностях русских женщин, она подтверждала цитатами, предварительно, не глядя, открывала страничку с закладкой, и выразительно зачитывая их. Видела, с каким не скрываемым восторгом и интересом слушали в полной тишине ее рассказ и дети, и сама Вера Александровна.

Танин авторитет возрос в глазах одноклассников за один урок, и вскоре она стала равноправной. Неполного учебного года стало достаточно, чтобы этот класс остался любимым из множества других, ведь школы приходилось менять часто, а одноклассники – дорогими на всю жизнь. Друзья отвечают взаимностью. Они, правда, иногда только виделись на Встречах выпускников, но со многими – друзья в Одноклассниках и не забывают делиться новостями.

К несчастью, многие рано покинули этот мир. Такая сложная и жестокая, нередко, эта Жизнь!

К концу учебного года пришло решение, в десятый не идти, а поступить в учебное заведение, чтобы одновременно со средним образованием получить специальность. Своими мыслями поделилась с родителями, и они одобрили ее решение. Так, впрочем, будет всегда. Папа объяснял так: «Мы с мамой тебе в учебе не помощники». Мама закончила семь классов, а папа – церковно-приходскую школу. Вот и приходилось всегда и во всем рассчитывать на свои силы, знания и мысли, а значит, надо было много и плодотворно учиться.

Новый этап Таниной жизни, вхождение в новый, более ответственный период, приблизился. Подростковый период заканчивался, наступил юниорский.

Часть вторая

Летом Таня вернулась в город. Надо было готовиться к вступительным экзаменам. Она отправляла зимой в Строгановское училище свои рисунки. Оттуда пришло одобрение ее творчеству и приглашение.

Столица – дело не шутейное. Родители поехали вместе с Таней. Её поселили в общежитие училища на Хорошевском шоссе. Убедившись, что все устроено, как надо, вернулись домой. Работа ждала.

Комнаты в общежитии располагались, как квартиры в подъезде. В каждую отдельный вход на этаже. Из окна на третьем этаже открывалась панорама Останкино, и Башня, ежедневно наблюдаемая, светилась огнями в сумерках и в ночи, часто наполовину скрываемая облаками.

Вместе с Таней в комнате проживали еще две девушки. Одна из Вологды, пышная миловидная с голубыми глазами. Любовь была русоволосая красавица, говорливая, общительная, с таким непривычным, но мило «окающим», говорком. Вторая – Зинаида, высокая, черноволосая, всегда в брючках, напоминавшая озорного мальчишку, приехала из Грузии. В общежитии на этот момент жили, и студенты, и поступающие.

С утра, направляясь в училище, заходили в кафе по пути на остановку. Выпивали стакан коктейля. Весь день проходил в студиях. Сдавали экзамены: на мастерство, по нескольку часов рисовали акварелью натюрморты, выезжали на пленэр; дисциплины из школьной программы.

Вот тут-то случилось непредвиденное. В школе урок черчения проходил своеобразно: учитель приходил навеселе и занимались чем угодно, только не тем, что было необходимо. По это причине натюрморт из геометрических фигур, поверг Таню в замешательство. Кроме того, что надо было зарисовать предметы и нанести штриховку по законам живописи, необходимо показать линиями построение, а это и есть «Черчение». Пришлось напрягать все свое воображе-

ние и плюс познания в геометрии, и все-таки ошибку допустила при построении конуса.

Когда работали в студии, разрешалось свободное перемещение. Было интересно наблюдать, как пишут другие абитуриенты. Одна Зина пользовалась масляными красками. Ее полотна были настолько реальны, что хотелось потрогать, лежавшие на столе плоды. Она поступала уже третий год, ее знали,… но упорно не принимали.

Вечером возвращались, обмениваясь впечатлениями. Ужин обычно был однообразным: суповой пакет со звездочками разводили в чашке кипятком. Вкус своеобразный, помнится и сейчас. Не густо, зато фигурки были, как у статуэток. К ним в комнату постоянно приходили студенты. Таня давала уроки русского языка иностранным ребятам и тем, кто вернулся из армии. Так, что ее педагогические способности проявились уже тогда.

Среди студентов было много африканцев. Как – то шла по темному коридору и вдруг навстречу – два глаза, белые зубы и белая, с пестрым узором, шведка. От неожиданности притормозила: с ней поравнялся темнокожий юноша, улыбка «до ушей» при виде ее реакции.

Экзаменационный период закончился. Набранные баллы позволяли продолжить учебу, но Таня приняла неожиданное решение: забрала документы. Полтора месяца, проведенные в Строгановке, дали возможность уловить, что на тот момент отдавалось предпочтение абстрактной живописи. Пе-

реламывать свои убеждения она не стала. Живопись настоящая, по ее мнению, должна быть реалистичной. И все тут!

Скромный рацион питания позволил сэкономить деньги, оставленные родителями на проживание. Села в такси на площади возле кинотеатра «Космос», на курском вокзале – в электричку и через три часа позвонила в дверь. Родители обрадовались возвращению дочери, но недоумевали, в чем причина. Решение не поступать приняли, как должное, доверяя ее мнению.

Не теряя времени даром, с выпиской оценок, подала документы в Коммунально-строительный техникум, на отделение СТУЗ. В оставшиеся летние денечки набиралась сил перед началом следующего этапа жизни – студенческого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.